КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА

БИБЛИОТЕКА

Илья КОТЕНКО

ЛЮДИ МОЕЙ ЗЕМЛИ

Аркадий САХНИН

ЭХО ВОЙНЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
МОСКВА 1958

БИБЛИОТЕКА «КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЫ» № 2

Илья КОТЕНКО

ЛЮДИ МОЕЙ ЗЕМЛИ

Аркадий САХНИН

ЭХО ВОЙНЫ

Документальные повести

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
Москва — 1958

Илья КОТЕНКО

ЛЮДИ МОЕЙ ЗЕМЛИ

1

В САМЫЙ разгар всей этой истории, когда в Людинове многие уже знали обо всем, что случилось с маленьким Сашей, его отец, мастер ремесленного училища № 2 комсомолец Евгений Фокин, издерганный беспокойством и бессонной ночью, обнаружил, что щеки его поросли колючей щетиной, и зашел в парикмахерскую.

Это была обыкновенная прибазарная парикмахерская, с тусклыми разнокалиберными зеркалами, деревянной перегородкой, за которой, не умолкая, шумел примус, и жесткими кисточками, пахнущими карболкой. Сюда забегали шоферы машин, проходивших по Дятьковскому тракту, заготовители леса, валившие сосны в окрестных чащобах, командировочный люд всех степеней и званий и изредка заходили свои, заводские, коим подошел срок стричься, или просто поленившиеся бриться дома.

Евгений Фокин.

Парикмахер уже намылил Евгению бороду, когда рядом послышался молодцевато грассирующий голос:

— У нас, когда на лапу дашь, все сделают... А здесь, небось, папа куска два отвалил...

Кто-то услужливо поддакнул, кто-то возразил, и вдруг Евгений понял, что разговор-то идет именно о нем и его Сашке. Отстранив руку мастера, он повернул голову и поглядел на соседа.

Рядом сидел, заполнив все кресло своим обмякшим телом, грузный, еще молодой человек в полотняном пиджаке, синих, лоснящихся на коленях брюках и растоптанных сандалиях

«Что-то не наш,— подумал Евгений, внимательно оглядев незнакомца,— наверное, заготовитель».

Почувствовав на себе взгляд, незнакомец покосил глазом на Евгения:

— Не согласен?

— Треплешь, дядя, напрасно.

— У тебя есть другие данные? Может, документы?!

Что ему ответить? Рассказать, что бабка действительно сунула ему в пиджак деньги, чтобы при случае отблагодарить кого нужно, но что он привез их обратно, потому что он скорее бы сдох, чем посмел кому-то предложить взятку; что ни один человек, с кем столкнула его судьба за последние два дня, ни малейшего повода не дал подумать об этих деньгах? Сказать об этих людях, так много сделавших для него, совсем незнакомого и чужого для них парня? Рассказать, что, может, за эти два дня он, кажется, впервые всем сердцем почувствовал, что значит — наши люди и в какой стране он живет. Но разве эта квашня поймет?!

Сжав на секунду челюсти, Евгений отыскал в зеркале снисходительно ухмыляющиеся глаза соседа и тихо пообещал:

— Гавкнешь еще, и я тебе покажу документ!

Толстяк приподнялся, комкая и стаскивая с груди салфетку.

— Пятнадцать суток захотел?— прошептал он радостным голосом.— Пособить бесплатно государству?!

Три мастера, держа на отлете бритвы, столпились вокруг толстяка.

— Это же, гражданин, и есть папа того самого мальчика... Ему-то виднее!

В парикмахерской наступила тишина. Толстяк минуты

две сидел неподвижно, поворачивая к мастеру то одну, то другую сторону лица, затем поднялся, долго отряхивал пиджак, рассчитался с кассиршей и, надевая кепку, вздохнул:

— Что с того, что это папа? Бывают дела, что сам святой папа нибенимекнет вслух... Обстоятельства людской жизни от этого не меняются...

«Что ты знаешь об обстоятельствах людской жизни?» — со злой усмешкой подумал Евгений, но отвечать не захотел. Он и так ругал себя за то, что не мог сдержаться. А распускаться ему нельзя — не все еще кончилось. Где-то сейчас Сашка с Татьяной? Благополучно ли долетели? Сделали ли операцию, или, может, уже нет Сашки на свете?

Он повел широкими плечами, словно от холода, встал с кресла, не зная, куда идти и чем заняться.

2

РАЗНЫЕ бывают свадьбы! Одни — звонкие, с бумажными цветами в дугах, с людными столами и недельным похмельем. Другие — не отмеченные ни улицей, ни друзьями, неприметные даже для соседей. Но кто скажет, что дольше сохраняется в памяти: величальная песня подружек или смущенная тишинка, проскользнувшая на пороге нового жилья, когда мельком замечаешь вдруг оробевший взгляд любимых, навек родных глаз.

Во всяком случае мало кто знал, что в тот далекий зимний день токарь локомобильного завода Евгений Фокин и продавщица «Гастронома» Татьяна Фомичева справляли свадьбу.

Они шли по заснеженной улице от девчачьего общежития через парк, под заиндевевшими, как в сказке, деревьями, берегом озера, за которым в сиреневой игольчатой дымке поднимались корпуса завода, и, наконец, свернули на Кропоткинскую — неширокую, с одноэтажными домиками, по окна заваленную сугробами улицу.

Одной рукой Евгений поддерживал по-детски робевшую жену, в другой нес ее чемодан. Вот и дом номер три! Конечно, неплохо бы подкатить к нему на тройке с бубенцами, но это, пожалуй, больше было бы интересным для других, а ни ему, ни Татьяне не хотелось шума.

А затем они сидели за свадебным столом. Худенькая,

в синем бостоновом костюмчике Татьяна, все время испуганно проверявшая, не отвалились ли косички, подвешенные сзади на заколках. Рядом с ней Евгений в новой шелковой безрукавке. Напротив — его мать Александра Николаевна, еще молодая женщина, внимательно отмечавшая каждое движение невестки, и ее муж — высокий, сухощавый человек, старый боевой партизан, начавший после последнего ранения в сорок четвертом году неумолимо слепнуть.

Дом был новый, рубленный из сухих кряжей, и в нем все что-то потрескивало. В печи гудел огонь, и теплый воздух покачивал на окнах бумажные занавески.

Говорили не спеша и обо всем понемногу. Но всех, как водится, интересовала молодая. Из какой семьи, как на жизнь смотрит?

Что ж, семья у Татьяны была обыкновенная, колхозная. Мать и сейчас живет в деревне Алексеевке, под Калугой. В сорок втором году, когда Татьяне было девять лет, пришла похоронная: защищая родную землю, смертью храбрых погиб на фронте сержант Фомичев. Что было бы делать поседевшей за одну ночь матери с шестью ребятишками, если бы не колхоз?! Он один-единственный помог, не бросил. И вот все выжили, выучились и устроились в жизни. Старшая, Мария, работает кладовщиком на калужской швейной фабрике, там же — портнихами Лидия и Раиса. Старший брат, Сергей,— шахтер, живет под Тулой, а младший, Петр, перешел в девятый класс Алексеевской школы.

Сама Татьяна жила у сестры в Калуге, окончила торговую школу и по направлению министерства приехала в Людиново

Тут рассказ молодой перебил старик. Посмеиваясь, предложил выпить за то, что министерство правильное дало ей направление, и, нащупав руку Татьяны, осторожно пожал ее холодные пальцы. Поднялась со своего места и свекровь,— она обняла и поцеловала в голову невестку.

Так началась новая жизнь в домике за номером три по Кропоткинской улице.

Первой по утрам поднималась Татьяна. Еще затемно готовила мужу завтрак и бежала к себе на работу в магазин. Затем шел на завод Евгений. Впрочем, вскоре с заводом пришлось расстаться. Евгения вызвали в райком

комсомола и спросили, как он смотрит, если его направят мастером в ремесленное училище, то самое училище, где учился недавно он сам. Да, конечно, в райкоме понимают, что с детьми не легко работать, но надо привыкать: чать, скоро и свои будут! Шутка была похожа на правду. «Кажется, да!» — как-то ночью шепнула присмиревшая Татьяна.

Может, именно от этого молодой мастер сразу полюбил своих ребятишек. Их было в группе двадцать пять человек. Все разные, не похожие друг на друга, но удивительно способные, отзывчивые и сердечные.

В ночь на первое мая Евгений отвел жену в родильный дом. Отвел, а сам всю ночь курсировал между этим самым домом, где его никто не хотел признавать, и ремесленным училищем, где он дежурил в эти сутки и где все ему подчинялось. Утром со своими учениками он участвовал в первомайской демонстрации, а затем побежал в родильный. «Сын»,— сказали ему, и это было так необычно, что он не поверил. Он дважды возвращался, проверял, правильно ли записана фамилия, а затем его почему-то обеспокоил вопрос: один сын или, может, еще кто? Больше никого не было, и тогда он вернулся в училище. Мастера поздравляли, не отступая, ходили за ним ученики. Они с особым пристрастием уточняли вес, рост и габариты Сашки. И, глядя на их сосредоточенные, деловые лица, Евгений сделал открытие: именно четырнадцатилетние мальчишки почему-то очень любят маленьких детей.

Затем Сашка поселился в доме на Кропоткинской, и с тех пор все, что ни происходило с ним, становилось главнейшим событием в семье: прорезался зуб, сказал новое слово, отвел ослепшего деда к кровати, гонялся за мухой, мурлыкал какую-то песню. Правда, все четверо твердо договорились не баловать ребенка. Но почему-то получалось так, что каждому казалось, что ребенка балует другой.

И люди, приходившие в дом, оценивались теперь по тому, как они относились к Сашке.

Вне конкуренции была в этом отношении участковый детский врач Лиля Алексеевна Васина. Она появлялась в доме почти каждый день и так была внимательна к Сашке, так заботилась о нем, что вскоре стала самым любимым человеком в семье. По вечерам она приходила даже с мужем — директором вечерней школы Филиппом Афа-

насьевичем. Пока женщины возились с ребенком, Евгений развлекал директора разговорами. Затем, вытирая руки, появлялась Лиля Алексеевна: «Вот и все, теперь мы еще зайдем...» — и называла фамилию ребенка, живущего в другом что ни на есть конце Людинова. «Разве ты жена! — горестно вздыхал, покорно поднимаясь, директор.— Другие супруги в такую пору в кино сидят или дома чаек попивают, а ты меня по всему городу водишь». Когда они, посмеиваясь и перешучиваясь, уходили, бабка Александра Николаевна вздыхала: «Господи, есть ли на свете еще такие хорошие люди?!»

3

ТРЕТЬЕГО июня Евгений получил получку и, прежде чем идти домой, забежал в магазин и купил килограмм лесных орехов.

После, с горечью рассказывая обо всем происшедшем, Евгений вспоминал, что его словно предчувствие какое отталкивало от прилавка: два раза уходил от кассы и все же купил эти распроклятые орехи.

Татьяна Фокина.

Дома он с бабкой и Сашкой уселся за стол, и пошел веселый разговор. У сына уже насчитывалось шесть зубов, и он осторожно и забавно раскусывал ими мягкие зернышки. Затем ему орехи надоели, и он стал лазать через стол от отца к бабке. Ему сказали — нельзя, тогда он неожиданно захватил горсть очищенных зернышек, сунул их в рот и вызывающе уставился на бабку. «Выплюнь, деточка, выплюнь!» — уговаривала она, подставляя ладонь, но Сашка скупо отдавал добычу. Затем он

сделал попытку удрать и дернулся из рук бабки. Дернулся и закашлялся. Ему стали стучать в спинку, но он кашлял, задыхался, рвался из рук.

Еще не веря, что случилось что-то непоправимое, Евгений взял сына на руки и вдруг с ужасом увидел: с тугих, налитых щек сына медленно сходил румянец.

Евгений, как был в майке и рабочих брюках, прижимая к себе обмякшее тельце сына, бросился в больницу. Он то бежал, выбирая дорогу, то вспоминал, что Сашке может быть хуже от тряски, и переходил на шаг. Вот последний поворот, вот озеро и, наконец, одноэтажное, деревянное здание больницы.

— Зернышко... в дыхательное горло!— с трудом отдышавшись, сказал он дежурному врачу.

Но врач, осмотрев Сашку, неожиданно спокойно ответил, что ничего опасного нет; если зернышко и попало в организм ребенка, то завтра его можно найти в горшочке. И оттого, что врач говорил об этом уверенно, хотя и был он подозрительно молод, а больше потому, что Сашка как-то неожиданно ожил, его большие серые глаза повеселели, он даже стеснительно улыбнулся, прижимаясь к отцовскому плечу, Евгений успокоился и понес сына домой.

Ночью Сашка спал спокойно. Правда, иногда у него в груди что-то хрипело, но это уже казалось не таким страшным. Утром и Татьяна и Евгений пошли на работу. Бабке наказали:

— Если почему-либо станет хуже, немедленно неси в больницу. Не найдешь Лилю Алексеевну, обращайся прямо к Нине Семеновне Кураловой...

4

НЕЛЕГКО приходит к врачу признание. Подчас и разобраться трудно, откуда оно появляется! Умение? Несомненно. Об умении врача люди слагают легенды. Оно, это умение, подчас преувеличивается непомерно, но и в таком виде служит на пользу, ибо вселяет в больного человека самое главное — уверенность во всемогуществе врача. Опыт? Конечно. Он, как и во всяком деле, имеет большое значение. Правда, бывает, что одна блестяще проведенная операция сразу вздымает человека к славе,

но это, пожалуй, случается где-нибудь в клинике, институте, а в маленьком городке признание завоевывается изо дня в день большим и повседневным трудом.

Нина Семеновна Куралова

Но во всех случаях одно должно быть обязательно — любовь к человеку, сердечность и внимание. Иной врач и знаниями богат, и ведет себя как нельзя лучше, и слушает тебя внимательно, но чувствуешь, что так же вот он будет выслушивать и автомобильный мотор, доведись ему переквалифицироваться на механика. А другой и грубоват, и не рассыпается перед тобой, и ничего особенно не обещает, а чувствуешь, что тебе повезло, что от одного только его взгляда тебе уже становится легче.

Все это в теоретическом плане хорошо понимала молодой врач Нина Куралова, когда с направлением министерства, покинув родной Ростов, ехала на свою первую работу в Людиново. Но затем все эти рассуждения отступили на второй план и исчезли совсем. Где уж там рассуждать об этом участковому терапевту — успеть бы обойти всех больных, побывать в поликлинике. А если учесть, что врач молодой, а в городе чудесное озеро, лодки и неделями не сходит с неба луна, то ясно, что этому врачу не оставалось времени для сложных рассуждений.

Между тем жизнь с какой-то институтской последовательностью переводила ее с курса на курс. Вторым и, пожалуй, самым ответственным курсом для нее в эти годы был завод, куда ее перевели врачом здравпункта. Здесь было то, что может быть всего нужнее каждому человеку,— рабочий коллектив. На заводе она вступила в партию, здесь пришли любовь, замужество, появился сын Толька.

И, уже проживя в этом городе несколько лет, начав после завода работать заместителем главного врача района и затем врачом отоляринголотом, научившись по-военному быстро днем и ночью, в распутицу и метели, при любом состоянии нервов и настроения, отправляться к больному, она случайно узнала, что о ней совсем неплохо говорят люди, что ее признали, что она, кажется, не ошиблась, недаром стала врачом.

Вот и сегодня, ведя прием в поликлинике, она услышала в коридоре чей-то взволнованный женский голос:

— Нет, мне обязательно к Кураловой... Понимаете, у меня мальчик...

Нина Семеновна открыла дверь и увидела женщину, с трудом державшую на руках ребенка. Волосы ее были растрепаны, глаза полны слез.

— Я к вам, Нина Семеновна... Это мой внук...

Она не договорила и опустила ребенка на диванчик. Мальчик лежал с закрытыми глазами, из груди его вырывалось судорожное дыхание. Выслушивая его, Куралова попросила рассказать, что случилось. Да, видимо, действительно в бронхи попало зернышко, не прослушивалось дыхание правой половины.

— Немедленно приведите отца ребенка,—сказала она

Александре Николаевне. И когда минут через двадцать в кабинет влетел испуганный Евгений, Куралова взяла его за руку:

Прежде всего, папа, нужно спокойствие.

— Что с Сашкой?

— Плохо... Видимо, орешек закупорил бронх.

— Что это значит?

— Может начаться воспаление, абсцесс и... Словом, нужна немедленная операция.

— Что же делать?

Легко сказать — что делать! Плохо, что уже много прошло времени. Сколько ребенок еще может протянуть? Конечно, лучше всего доставить его в Москву, но это почти двенадцать часов. Значит, остается Брянск. Туда езды три часа. В одиннадцать с минутами на Брянск идет поезд. А там в областной больнице есть доктор Петухов. К нему Куралова уже не раз направляла ребятишек с подобными случаями.

— Немедленно собирайтесь, повезете ребенка в Брянск.

— Доктор, я же работаю...

— Ничего. Выпишу бюллетень.

— Но жена кормит его грудью!

— Берите с собой и жену.

— Она тоже работает.

— Фокин, не морочьте мне голову... Пусть берет отпуск, бюллетень, что угодно... но ехать вам надо немедленно...

5

— ОДИННАДЦАТИЧАСОВОЙ у нас ходит дополнительным... Сегодня его не будет...

Билетный кассир станции Ломпадь Екатерина Дежкина хотела прикрыть окошечко, но сильная мужская рука задержала дверцу.

— Минуточку, товарищ кассир... Каким же поездом мне быстрее доехать до Брянска?

— Расписание перед вами, гражданин!..

Да, действительно, перед глазами Евгения в аккуратной рамочке висело расписание. Ленинград — Новороссийск, Москва — Гомель, Батуми — Мурманск. Все не то!

Ни один из этих поездов раньше пяти часов не отправит Сашку в Брянск. А может, махнуть прямо в Москву? Как много, оказывается, дорог ведет в столицу из Людинова. Можно ехать и через Вязьму, и через Сухиничи, и через Калугу, но и в эту сторону поезда идут только в ночное время.

— Ну, что, Женя? — спросила Татьяна. Она сидела на скамье в углу маленького станционного зала, прижимая к себе закутанного в одеяло Сашку.

— Погоди, сейчас что-нибудь придумаем.

А что придумаешь? Когда торопились на станцию, казалось, что стоит только дойти до этого желтого деревянного здания с одиноким тополем, стоящим рядом с палисадником, заросшим шиповником, и медным колоколом у двери дежурного, и все будет в порядке. И вот дошли, а ехать не на чем! Снова заворочался, закашлялся, дергаясь всем тельцем, Сашка.

— Товарищ! — Евгений постучал в окошечко.— Товарищ, дорогой! — Он увидел настороженные глаза кассирши.— У меня сын... умирает... маленький.

— Что вы... гражданин!

— Правда.

— Где он?

— Здесь.

— Почему здесь?

— Мне до Брянска его надо... к врачу...

— Чего ж вы тогда, как овечка, мычите?! Когда да что! У вас какой-нибудь документ на больного есть?

— Направление.

— Ждите.

Окошечко закрылось, но не отделило Евгения от всего, что происходило за стеной. Сначала там послышался шорох бумаги, должно быть, кассирша собирала деньги, затем где-то хлопнула дверь, кто-то вошел в комнату, и послышался неуверенный голос кассирши:

— Паша! Там в зале один гражданин с больным ребенком... Просится до Брянска.

— Как это — просится?

— Я думала: может, на товарном...

— Ты что... не знаешь инструкции?!.

Наступила тишина. Евгений вслушивался в каждое слово, мысленно умоляя, чтобы говорили потише, чтобы

не услыхала Татьяна. Но и наступившая тишина была нестерпима. Снова послышался голос кассирши:

— Паша... ребенок умирает...

— Что ты мне душу мытаришь!

Окошечко щелкнуло, и в нем показались внимательные черные глаза под черным козырьком красной фуражки. Оглядев Евгения и секунду задержав взгляд на сгорбившейся в углу Татьяне, женщина поправила прядь каштановых волос и спросила:

— Что с ребенком?

— Орешек проглотил.

— Ну, вот, даете детям черт-те что! Надо же смотреть, когда народили! Направление в Брянск?

— Да.

Затем женщина скрылась, и через минуту в глубине комнаты послышался ее голос:

— Фаянсовая? Диспетчера! Товарищ Сивак, ко мне обратился пассажир с больным ребенком... Нужно в Брянск!

Если бы знал этот пассажир с ребенком, как неудобно было Пелагее Ивановне Трутневой — этому всегда подтянутому, аккуратнейшему из всех дежурных — вести такой разговор с диспетчером! Уж третий год разговаривает она с ним короткими, почти телеграфными фразами, в которых ни одно слово не бывает лишним, даже по фамилии диспетчера никогда не называла, даже до сих пор не знает, как его имя, отчество. Только номера поездов, часы, минуты следования и короткие рапортички. И вот этот из всех рамок выходящий разговор! Небось, сейчас диспетчер спросит, что хочет этим сказать дежурная по станции Ломпадь. Может, остановить поезд? Но ведь дежурная по станции Ломпадь должна знать, что это наказуемое деяние.

Несколько секунд понадобилось ей для этих размышлений, и все эти несколько секунд селектор молчал. Затем, прокашлявшись, далекий товарищ Сивак спросил:

— Сколько лет ребенку?

— Должно быть, годик!

— Очень плох?

— Говорят, при смерти.

После недолгого молчания Сивак снова спросил:

— Что у вас на подходе?

— Запросился девятьсот восемьдесят третий.

— Погодите... За ним, кажется, идет одиннадцатый...

— Но одиннадцатый у нас...— сказала Трутнева и закусила губу. Одиннадцатый был пассажирским из Ленинграда в Сочи, на станции Ломпадь он не останавливался. Но зачем об этом говорить диспетчеру, когда он сам отлично знает? Поэтому он и не спросил, что значит это «но», а словно про себя сказал:

— В пассажирском будет удобнее... Впрочем, погодите, я рассчитаю, какой из них будет быстрее в Брянске.

Дежурная по станции присела около аппарата и тут только услышала, что вокруг стоит какая-то необычная тишина. За окном перебирал листьями тополь, попискивала в палисаднике какая-то птаха. А около забора стоял высокий, широкоплечий парень, прижимая к себе закутанного в одеяло ребенка. Около него табунились какие-то люди, должно быть, пассажиры на Фаянсовую, и даже грузчики, работавшие по разборке бревен на той стороне полотна, бросив работу и покуривая, стояли и смотрели в ее сторону.

— Чего они собрались? — сказала она недовольно, взглянув на Дежкину, и тотчас вскочила: из аппарата послышался голос диспетчера:

— Ломпадь?! Останавливайте девятьсот восемьдесят третий...

— Есть! — И, подумав, добавила: — Спасибо, товарищ Сивак!

И снова мир наполнился привычными звуками: тоненько звякнул колокол, раскачанный ветром; в тупике, где стояли платформы с лесом, ахнули сброшенные бревна, и где-то далеко запел рожок стрелочника. Она взяла сигналы и по деревянной лесенке спустилась к полотну.

— Ищите крытую площадку,— сказала она парню с ребенком.— И, пожалуйста, садитесь быстрее.

Девятьсот восемьдесят третий летел на станцию, не сбавляя хода. Тяжело груженные вагоны, окутанные пылью, на мгновение показав на повороте бока, выравнивались в одну линию, и вот уже можно было хорошо рассмотреть лицо машиниста. Он спокойно смотрел, навалившись на подоконник, но вот увидел сигнал и исчез в окне.

Поезд завизжал тормозами, стал сбавлять ход и, протянув немного, остановился. С тормозной площадки последнего вагона спрыгнула кондукторша и подошла, подметая песок полами длинного плаща.

— Почему остановили?

— Приказано посадить пассажиров.

— Начальство?

— Пассажиры с больным ребенком.

Евгений помог жене подняться на тормозную площадку третьего вагона, передал ей ребенка и, вскочив на ступеньку, обернулся:

Пелагея Ивановна Трутнева.

— Товарищ дежурная, скажите свою фамилию...

— Это еще зачем?

— Бабка в святцы запишет.

— За меня молиться рано... в святые еще не вышла...

Она подняла сигнал и стояла неподвижно, пока состав не дошел до будки путевого обходчика. Затем не спеша вернулась к себе в дежурку. В соседней комнатке Дежкина уже продавала билеты в сторону Фаянсовой. Взяв настольный журнал движения поездов, Трутнева, как всегда, аккуратно записала: «Поезд № 983 прибыл —12.21, отправлен —12.22. Причина остановки — посадка пассажиров с больным ребенком».

6

МЕЛЬКАЮТ по сторонам телеграфные столбы, падает и взлетает проволока. Часто к самому полотну подходят сосновые леса, и тогда кажется, что состав мчится в туннеле.

Евгений впервые за этот день глубоко и облегченно вздохнул.

— Ладно, ладно,— успокаивал он Татьяну, вытирая ей ладонью мокрые глаза.— Теперь будет хорошо... Главное — едем.

И, действительно, он был счастлив так, как, наверное, никогда в жизни. Ему самому было немного смешно своей сентиментальности, но, честное слово, ничего он с собой не мог поделать, когда вспоминал и дежурную по станции, и билетного кассира, и стоявших на дровяных помостах грузчиков. Бабка когда-то спрашивала: есть ли еще на свете такие хорошие люди, как Лиля Алексеевна и ее муж?! Есть! Есть на свете хорошие люди, а это очень важно. «Очень важно, очень важно»,— повторял он про себя в такт колесам, как будто хотел навсегда запомнить это сделанное им открытие.

На станции Фокино к их тамбуру подошла кондукторша и сказала, что состав задерживают, но сейчас отходит на Брянск рабочий поезд и, пожалуй, стоит на него пересесть. В рабочем, битком набитом поезде Татьяне с Сашкой освободили полку. В Брянске их без очереди пропустили на такси, чтобы доехать до города. Но в самом городе солнце закатилось...

В областной больнице дежурный врач выслушал Сашку и сказал, что его немедленно надо отправить в Москву...

— А почему ваша больница его не может принять?
— Значит, у меня есть для этого основания...
— Какие основания? Ребенок умирает, а у вас основания?.. Может, вы не хотите, что мы из другой области?
— Ну, знаете, молодой человек...
— Что «знаете»? Это мой сын... Добрые люди помогли нам...
Дальше говорить Евгению не хватило сил. Чувство обиды подступило к горлу, да так, что он понял: еще секунда — и он натворит таких дел, что после не распутаешь. Он повернулся и побежал вниз по лестнице.
— Стойте, сумасшедший! — кричал сверху доктор, но Евгений пулей промахнул больничный садик и выбежал за проходную...
Куда же, собственно, он пойдет? В облздравотдел? Но ведь оттуда, наверное, и идут бюрократические указания. А куда еще можно обратиться?
Не замечая расстояния, Евгений шел по брянским улицам, мимо стадиона, мимо новых домов, выстроившихся на пустыре и еще пахнущих краской. Вот скверик, шумящие на ветру кроны густых кленов, асфальт площади, высокие, многоэтажные дома. Где найти того человека, который мог бы помочь, кто спас бы Сашку? И тогда Евгений решил зайти в обком партии. Он открыл тяжелые двери и вошел в прохладный вестибюль. Показал дежурному документы и спросил, как попасть к секретарю обкома. В большой приемной он обвел глазами двери и прочитал: «Секретарь обкома тов. Соколов».
— Вы к кому, товарищ?
Невысокая пожилая женщина, положив телефонную трубку, внимательно смотрела на Евгения.
— К секретарю.
— По какому делу?
— Личному.
— А именно?
— У меня умирает сын...
— Что вы, товарищ! — женщина встала из-за стола.— Может, вам прямо в больницу?
— В больнице не принимают.
— Я позвоню...
— Нет, я хочу к секретарю.
— Погодите минутку.

Женщина скрылась за дверью и через минуту появилась снова, пригласила Евгения войти. В кабинете секретаря, видимо, собиралось совещание. За столом и на стульях, стоящих вдоль стен, сидели люди. Но ни их, ни самого секретаря Евгений так и не разглядел. Не отходя от двери и не поднимая глаз, он, стараясь как можно яснее, рассказал обо всем, что случилось с Сашкой.

— Одну минуту, товарищ,— услышал он голос.— Позовите ко мне Меньшикова.

В кабинет вошел и стал рядом с Евгением невысокий, еще молодой человек в светлом полотняном костюме.

— Товарищ Меньшиков, жалуются на нашу медицину... Разберитесь и немедленно помогите товарищу.

Затем Евгений сидел в небольшой комнатке и слушал, как Меньшиков звонил в облздравотдел, как распекал кого-то за бюрократизм, за бездушное отношение к больному ребенку и приказал сейчас же принять меры.

— Езжайте в больницу и, если что не так, звоните мне... Запишите: Меньшиков Николай Дмитриевич, телефон 38-28...

Когда Евгений вернулся в больницу, был уже вечер. В коридорах, освещенных электрическими лампочками, ходили больные. В полутемном холле Евгений увидел Татьяну. Она сидела около раскладушки, на которой лежал Сашка.

— Зачем ты накричал на доктора? — сказала Татьяна с укоризной.— Он же хотел как лучше...

— Ничего, для них это бывает полезно, видишь, сразу все устроили!

— Но он все равно говорит: надо в Москву...

— Да когда же теперь в Москву: ночь, Сашка спит.

— Да, доктор сказал, тревожить его пока нельзя, пусть спит...

— Ну вот и хорошо... Ты тоже к нему пристраивайся.

— А ты?

— Я где-нибудь в гостинице устроюсь.

Но в гостиницу идти не хотелось. Ночь надвигалась душная и безветренная. Евгений вышел в больничный скверик и сел на скамейку. «Куда, я, собственно, пойду, а вдруг что случится?».

Вытянувшись на скамье, Евгений забросил за голову руки и долго смотрел на крупные звезды, спокойно и хо-

лодно поблескивавшие в бездонной Вселенной. Засыпая, подумал: «Зачем я шумел, бегал жаловаться? Надо было сразу отыскать доктора Петухова, и все было бы в порядке...».

7

ДЕЖУРНЫМ врачом, тем самым врачом, с которым и поругался Евгений, был Григорий Аввакумович Петухов. Это именно он сказал, что ребенка надо немедленно везти в Москву.

Ну, а что другое он мог сделать? Самое беглое прослушивание показало: в бронхах инородное тело; похоже, что воздух входит, а обратно не выходит; значит, нужно немедленное хирургическое вмешательство. А в ближайшие часы такую операцию могли сделать только в Москве. Но родитель оказался сверх меры нервным, не дослушал, бросил и жену и сына и убежал. Куда? Наверное, жаловаться...

Петухов приказал, чтобы для больного ребенка поставили раскладушку, и прошел к себе в кабинет.

На столе, под черной чашкой абажура, ярко горела лампочка, освещая край стола, стекло и под ним, рядом с расписанием дежурств, вырезку из газеты «Брянский рабочий» за 18 мая сего года. Петухов сердито приподнял стекло, вытащил эту, совсем не на место положенную заметку. В ней родители мальчика Саши Баранова из поселка Ивановского благодарили доктора Петухова за спасение жизни их ребенка. Да, вообще говоря, это была редкостная операция. По-новому решенная и совсем без бронхоскопа. Да, да, именно без этого аппарата, будь он неладен! Дело в том, что Саша Баранов случайно проглотил ржаной колос, точнее, втянул в себя, и, когда задыхающегося мальчика привезли в больницу, этот злосчастный колосок был обнаружен глубоко, в нижнем долевом бронхе справа. Достать его было невозможно. Тогда Петухов и попробовал провести операцию путем отсоса, да, да, подсосал его поближе, а потом вынул. Вот он, этот маленький ржаной колосок, висит на доске, пришпиленный булавкой, как мохнатое насекомое.

Сколько их на этой доске, разнообразнейших предметов, извлеченных из детских горлышек: рыбьи кости,

Григорий Аввакумович Петухов.

ореховая скорлупа, монеты, гайки, шарики! Целая коллекция, по которой можно, пожалуй, проследить всю врачебную биографию доктора Петухова. Вот эта кость была извлечена вскоре после войны, когда во многих районах области не было хирургов. А он в то время носил громкое звание бортхирурга и вылетал к больным на самолете. Как все-таки быстро идет время! Вот уже и нет такой должности, а самые сложные операции успешно делают районные хирурги в своих районных больницах. Правда, маленьких больных, у которых в бронхи попадают посторонние предметы, по-прежнему привозят к нему. Где, например, тот «знаменитый» шарик, который он с таким трудом извлек у совсем маленькой девочки? Да вот он. Правильно, Люда Шеванкова восьми лет из Погарского района. Откуда он мог знать, что в детстве эта девочка случайно хлебнула каустическую соду и обожгла пищевод? В нижнем отделе так и остался рубец. Он-то и помешал нормально вытащить проглоченный шарик. Тогда решено было вытащить его электромагнитом. Понесли девочку в глазное отделение. Ввели металлический стержень от бронхоскопа, и тут снова сюрприз — оказывается, эти стержни антимагнитные. Пришлось доктору Петухову оставить больного ребенка на столе, бежать в больничную котельную и вместе со слесарем прилаживать обыкновенный стальной стержень. Но как бы то ни было, а шарик был вытащен, ребенок спасен. А вот сейчас доктор Петухов ничего не может сделать с этим людиновским мальчишкой, ни-че-го! И опять-таки в связи с сюрпризом, который ему преподнес бронхоскоп...

На столе резко и требовательно зазвонил телефон. Петухов вздохнул и взял трубку.

— Григорий Аввакумович? — послышался чей-то далекий женский голос.

— Да.

— Что же вы там делаете?

— Сижу и ожидаю, когда меня начнут прорабатывать за бюрократизм, бездушие и черствость!

— Вы напрасно шутите,— голос в трубке окреп.— Мне только что звонили из обкома партии и устроили из-за вас разнос...

— Простите, если не ошибаюсь, говорят из облздравотдела?

— Да.

— Я так и понял, что это вы, Лидия Ильинична. Признаюсь, мне сразу стало легче.

— Почему?

— Вы врач, вам можно объяснить.

— Какие объяснения?! Вы должны немедленно сделать ребенку операцию...

— Ни немедленно, ни завтра, ни послезавтра операцию я делать не могу...

— Но почему?

— В малом бронхоскопе сломалась лапка...

Трубка несколько секунд безмолвствовала, затем снова послышался далекий, немного усталый голос:

— Что же теперь мы будем делать?

— Я снова стану бортхирургом.

— То есть?

— Я уже заказал самолет, вместе с ребенком полечу в Москву.

— Не поздно?

— Думаю, успею...

— А как он сейчас?

— Спит... Мечтаю, чтобы поспал дольше...

— Конечно, ребенок должен отдохнуть как следует... Ну, я желаю вам, Григорий Аввакумович, всего успешного...

Петухов повесил трубку, секунду постоял, потирая виски, затем набросил халат и вышел из комнаты, сунув в карман вырезку из газеты.

Около больного ребенка о чем-то шептались дежурная сестра и мать мальчика — худенькая, с большими испуганными глазами молодая женщина. Петухов, нагнувшись, посмотрел на крепко спящего мальчишку и сердито спросил:

— Жалобщик не появился?

— Приходил...

— И куда же опять делся?

— Пошел спать в гостиницу.

— Отыщите его по телефону и предупредите, что мы с вами летим в Москву...

— Со мной?

— Да, и с сыном...

— А Женя как же?

— Ваш Женя, как я смог заметить, не пропадет... А вот сына оберегайте. Пусть спит как можно дольше, не будить ни в коем случае.

До полуночи доктор собирал свой маленький саквояж, затем обошел погруженные в полутьму палаты и на обратном пути подошел к одиноко стоящей кровати. Ребенок спал. А рядом, уткнувшись головой в подоконник, беззвучно плакала Татьяна. Сестра, успокаивая ее, объяснила шепотом доктору:

— Не может найти мужа, в гостиницах отвечают: никакого Фокина у них нет!

— Ничего, найдется... Позвоним в милицию...

— А когда будем лететь, доктор?

— Как только проснется Сашка...

Сашка спал до утра. Задремал и доктор Петухов — дежурство было на редкость спокойным. С дивана он поднялся, когда стрелки на часах показывали без пяти шесть. В коридорах уже сновали санитарки. Доктор умылся и вышел подышать в больничный садик. За забором вовсю орали петухи, чуть покачивали верхушками разросшиеся за последние годы кусты сирени. Доктор миновал маленький цветник в самом углу двора и остановился: на садовой скамье, поджав ноги и накрыв лицо кепкой, лежал тот самый рослый и большегрудый парень, которого он еле успел разглядеть и который так неожиданно побежал на него жаловаться в обком партии.

— Хороша гостиница! — усмехнулся Петухов и, сдерживая улыбку, кашлянул. Фокин тотчас приподнял кепку, сбросил ноги и сонно взглянул на доктора:

— Здравствуйте...

— Доброе утро... Во-первых, вас ищет жена...

— Сашка как?

— Спит Сашка... А во-вторых, мне надо поговорить с вами как с отцом мальчика.

— О чем?

— Я везу вашего сына самолетом в Москву.

— Зачем?

— На операцию.

— Операцию ему теперь и здесь сделают... Кому надо, хвоста наломали?

— Ломали... Только и с отломанным хвостом операцию я ему делать не смогу...

— А я и не имею вас в виду...

— А, простите, кого?

— К примеру, доктора Петухова...

— И он не сделает...

— Почему?

— Доктор Петухов — это я... А почему он не будет делать, объясню по дороге на аэродром...

8

Дверь из диспетчерской приоткрылась, и Анна Ивановна Калтович, явно нарушая распорядок совещания, доложила Морозову:

— Виктор Николаевич, срочная заявка на самолет...

— От кого?

— Брянской санавиации...

— Куда?

— В Москву...

— Какой груз? Или за грузом?

— Носилочный больной... Срочно везут на операцию...

— Хорошо, предупредите дежурного.

Все-таки авиация остается авиацией: нет-нет да и появится задание, которое взволнует весь, пусть маленький, но все же коллектив летчиков.

А вот сегодняшний день на аэродроме начинался, как всегда, спокойно и привычно: в громе опробываемых моторов и в пылевых завесах, поднятых винтами. Впрочем, сегодня ни шум моторов, ни пыль не долетали до служебных построек: ветер, подозрительно крепнущий ветер дул в сторону Бежицы, унося с собой все аэродромные звуки. Только из комнаты радистов изредка доносилось попискивание морзянки да позванивал телефон у диспетчера Анны Ивановны Калтович.

Как всегда, в этот день командир подразделения Виктор Николаевич Морозов собрал у себя летчиков, попросил достать карты и распределил задания. Первый самолет пойдет по петле до Красной Горы, в самую глубь области. Повезет почту, газеты. Пилот — Соломатин Виктор. По такой же петле до Климова, с таким же грузом полетит самолет пилота Крысанова Владимира.

Третий самолет — пилота Селиверстова Анатолия — с почтой отправится до Севска...

Пилоты сидели, низко склонившись над разложенными на столе картами, лениво повторяли названия пунктов, и командир подразделения, сердито сдвинув брови, хотел было сделать замечание за эти подчеркнуто равнодушные

Виктор Николаевич Морозов.

ответы, но неожиданно вспомнил себя в возрасте этих пилотов.

«Чего ж я на них сержусь? — спросил он сам себя, поглядывая на молодые, румяные, покрытые пушком лица пилотов.— Летают они первый год, но кому неохота побыстрее пройти свою первую ступеньку?». А первая ступенька у молодых пилотов солидная — надо налетать сто пятьдесят часов, прежде чем им разрешат перевозить врачей, больных — словом, самый дорогой груз: людей. А пока таскай по области газеты, почту да изредка медикаменты и сельскохозяйственные препараты.

Вот ведь как в жизни бывает. Давно ли кончилась война! Казалось, что может быть у авиатора теперь интересного, после боев и фронтовых приключений? Рассеивать над полями да лесами удобрения, перевозить почтовые конвертики да спешить с хирургом к аппендицитному больному?

А вот, оказывается, все это интересно, дорого: сидят — не оторвешь — с открытыми ртами и слушают молодые летчики бывалого Дмитрия Афонского, когда начинает он рассказывать про то, как сажал машину у какого-то глухого села на самом обрыве; как на высоте трехсот метров у него в самолете родила больная («Погрузил в машину одну, выгрузил двоих»); как срочно доставлял лекарство, чтобы спасти заболевших детей. Слушают, завидуют и мечтают о том времени, когда и им разрешат внетрассовые полеты.

Вот и сейчас, когда Морозов услыхал о срочном задании и закрыл совещание, первым поднялся Виктор Соломатин, одернул китель и, не поднимая глаз, спросил:

— Разрешите узнать, кто пойдет на санитарное задание?

Хитер парень: знает, что один пилот выходной, другой заболел, может, перепадет счастье — оставят для санитарного случая! Морозов улыбнулся:

— С больным я полечу сам!

Но все-таки что за больной? Морозов заглянул к диспетчеру и спросил, не знает ли Анна Ивановна подробностей.

— Сказали, носилочный... Но я узнала, Виктор Николаевич, это ребеночек, совсем махонький...

Да, это хуже всего, когда болеют дети. Со взрослым можно договориться, а с малыша что возьмешь. Да и жалко... Морозов вспомнил, как приходилось возиться со своими тремя, особенно Наташкой, когда они болели; ночь напролет не сомкнешь глаз, а утром вылет...

Морозов вызвал техника, приказал ему расчехлить и приготовить к полету шестьсот девяносто девятую машину и сам сел за подготовку: сделал все расчеты, проложил маршрут, получил разрешение на вылет у медицины.

Перед вылетом предупредил диспетчера:

— Если будет звонить мое хозяйство, скажите, пожалуйста, что я, наверное, не успею. Жена с ребятишками собралась вечером в кино. Пусть на меня не берут... Боюсь, при такой погоде меня обратно Москва не сразу выпустит...

Хорошая все-таки машина «ЯК-12»! Удобная, легкая и послушная. Миг — и вот уже плывут внизу перелески, кучи вывороченной земли, дорога, затем пошли дома Бежицы. Вот парк, здание Дворца культуры, а рядом знакомый дом. Не Нина ли с Людкой сидят на скамеечке? На всякий случай слегка качнул крыльями.

Бежица осталась позади. Блеснула чешуей Десна, и навстречу стал надвигаться своими многоэтажными домами Брянск. Надо забирать правее, вон здание областной больницы и неподалеку «скачок» — санитарная площадка.

Еще несколько минут, и самолет толкнулся о землю, побежал и, сделав небольшой разворот, остановился. И тут же из-за посадки вывернула санитарная машина и, осторожно переходя колдобины, подрулила к самолету. Сначала из нее вышел рослый, высокий парень с ребенком на руках, затем маленькая, худенькая девушка, потом медсестра в белом халате и, наконец, доктор Петухов.

Доктора Петухова Морозов знал хорошо — и не только потому, что это был известный в городе доктор, но главным образом потому, что им не раз вместе приходилось летать к больным к черту на кулички, в самые глухоманные места области, и ничего: доктор оказывался кремневым мужиком.

Они поздоровались. Не отпуская руки летчика, Петухов спросил:

— Сколько будем лететь?

— За Калугой погодка неважная: боковой ветер, облачность. Думаю, часа три...

— Надо, Виктор Николаевич, побыстрее... Мальчишка плох.— И, обернувшись, приказал: — Садитесь, мамаша!

Когда в самолете скрылись и худенькая мамаша с ребенком и доктор, Морозов с трудом оторвал от дверцы большую, сильную руку высокого парня. Парень все время заглядывал внутрь самолета и бормотал: «Телеграмму! Сразу же давай телеграмму». Затем он посмотрел на летчика и покорно, по-детски попросил:

— Вы там за ней... товарищ... приглядите. Она, понимаете, первый раз в самолете...

9

«МАМОЧКА, моя родная, где же ты сейчас?» — думала в это время Татьяна, закрыв глаза и судорожно вцепившись одной рукой в ручку кресла. Другой рукой она держала лежащего у нее на коленях Сашку.

Сколько прыгал и дергался самолет, она не знала; затем наступил покой, какой бывает, когда обыкновенная, земная автомашина с проселочной дороги въезжает на асфальт.

— Мамаша, сына уроните! — услышала она голос доктора и осторожно приоткрыла глаза.

Перед ней виднелась широкая спина летчика, за ней — большая доска, увешанная приборами. Рядом, расстегнув плащ, устраивался в кресле доктор, поставив у ног кожаный саквояж.

Татьяна положила поудобнее Сашку и чуть приподняла голову. За стеклом высоко в небе клубились белые облака, а внизу, словно детские солдатики в строю, проходили крошечные сосны, освещенные солнцем, плыли игрушечные домики.

Она откинулась на спинку кресла. Самолет стало подбрасывать, а затем проваливать куда-то вниз. Она вспомнила детство, качели на околице деревни Алексеевки и, чувствуя, как обмякает все тело, уткнулась лбом в плечо доктора.

— Ну, ну! Держитесь... Возьмите-ка, понюхайте.

А самолет подбрасывало все сильнее. Сашка стал вы-

брасывать руки и закашлялся. Доктор взял его к себе и осторожно стал покачивать, успокаивая.

— Нельзя ли уйти от этой болтанки? — услышала Татьяна голос доктора. И летчик глухо ответил:

— Попробую...

Затем как будто стало тише и спокойнее. Самолет мерно гудел, и казалось, что его кто-то подвесил на мягких, резиновых канатах.

Татьяна полулежала в кресле, усталая и довольная оттого, что ее никто не трогает, что нет на руках Сашки и что вообще весь мир с удивительной деликатностью провалился куда-то в тартарары. Сквозь полудрему она изредка слышала голос летчика: «Внизу Сухиничи», затем: «Проходим Калугу»... Она однажды попыталась еще раз поднять голову и посмотрела в окно, но увидела только мокрое крыло и черные тучи.

А затем самолет начало опять встряхивать, словно кто-то пытался его развалить.

Во время какого-то толчка снова заплакал и закашлял Сашка. Доктор прижал его к себе. Но Сашка кричал сильнее, кашлял, рвался из рук, и доктор отдал его матери.

Затем Петухов согнутым пальцем постучал в плечо летчика.

— Сделайте что-нибудь, чтоб поспокойнее... Мальчишка зашелся, возможно, придется резать...

Летчик обернулся. В глазах его стояло удивление.

— Что резать? — спросил он.

— Как что? Делать операцию!

— Здесь?

Доктор покосился на Татьяну и уже сердито ответил:

— Да, именно здесь! Орешек может отойти во время кашля и застрять вот здесь! — Доктор ткнул себя пальцем куда-то ниже горла.— Тогда капут...

— Хорошо! — крикнул летчик.— Я пойду на бреющем...

Татьяне сначала казалось, что они говорят о вещах, совсем ее не касающихся. Она баюкала плачущего Сашку и вдруг увидела, что доктор поставил себе на колени саквояж, раскрыл его и достал марлевую салфетку, скальпель. Татьяна посмотрела на лицо доктора, увидела у него на лбу крупные капли пота и закричала. Но никто ее не

слышал, может, потому, что ее судорожно сжатое горло не издавало ни одного звука, или, может, оттого, что самолет с ревом несся над самой землей, чуть не цепляя за верхушки деревьев, взмывая над холмами и проваливаясь в речные долины.

Опять обернулся летчик и крикнул:

— Может, дотянем? Уже прошли Серпухов...

Доктор молча кивнул головой. Он сидел сгорбившись, держа в своей руке маленькую Сашкину ручонку, и смотрел на часы; капель на его лбу стало больше.

Затем Татьяна помнит толчок, затихающий шум мотора и земные запахи, ворвавшиеся в кабину. Кто-то помог ей выйти. Она увидела одноэтажное здание, утопающее в зелени, и большую вывеску: «Быково». К ним подошла незнакомая женщина в белом халате, спросила: «Вы из Брянска?» — и повела их к машине с красным крестом на ветровом стекле. Когда машина тронулась и по сторонам замелькали дома, палисадники, сосны, доктор стал расспрашивать, в какую больницу их везут и кто будет оперировать.

Женщина в белом халате сидела рядом с шофером и, не оборачиваясь, устало ответила:

— Не беспокойтесь, товарищи. Сделают все, что надо... Как всем, так и вам.

10

В ЭТО самое время, вернувшись из Брянска к себе в Людиново, Евгений Фокин и зашел в парикмахерскую побриться. Может быть, потому, что за обратную дорогу у него было время подумать о многом, а думал он обо всех тех людях, с которыми его столкнула судьба, его так и взвинтили подозрения «квашни». Нет, никого из них, даже доктора Петухова, с которым он было поссорился, он не даст в обиду. А насчет денег, так он может сказать, что самолет, на котором совершенно бесплатно отправили в Москву Татьяну с Сашкой, обошелся больнице в тысячу рублей. Об этом ему сказала медицинская сестра, с которой он возвращался в больницу, проводив самолет. Сказала с явным укором, потому что была свидетелем его ссоры с доктором Петуховым.

Но нужно ли сейчас об этом говорить? Важно, что он

это знает, что это навсегда останется в его сердце, а остальные люди пусть болтают, что хотят.

Евгений вышел из парикмахерской, прошел к озеру, затем заглянул в больницу, спросил, нет ли известий, и только под вечер оказался у своего дома. На крыльце сидела мать.

— Не могу в комнате,— сказала она, вытирая глаза,— как кто стукнет в дверь, так и думаю: телеграмма о покойнике.

Сашенька Фокин.

Ночью действительно принесли телеграмму: «Все хорошо. Выезжай, Татьяна». Над этим листочком сидели до зари и вовсю ругали Татьяну. Не могла написать яснее. Что хорошо? Долетели хорошо? Чувствует ли Сашка себя хорошо? Операцию ли ему сделали хорошо? Но тогда почему это тревожное слово «выезжай»? Просто для того, чтобы забрать их, или что худое стряслось?

Садился Евгений на той же станции Ломпадь, даже кассирша была та же — Екатерина Васильевна Дежкина. Правда, поговорить с ней было некогда: поезд подходил к станции. Чтобы как-нибудь скоротать время до Москвы, а главное, не думать, Евгений забрался на третью полку и постарался заснуть. А в Москве опять беда — в какую больницу положили Сашку? Наконец разузнал — детская больница имени Филатова.

Около часа он сидел в этой больнице, в комнате для посетителей. Наконец дверь из коридора приоткрылась, и вышла Татьяна. Держась за ее руку, ковылял по ковровой дорожке Сашка. Увидав отца, потянулся к нему свободной ручонкой и чуть не упал.

— Все в порядке? — с трудом спросил Евгений, поднимая на руки Сашку.

— Ага, три дольки вынули,— ответила Татьяна.

— Кто делал?

— Профессор Щербатов.

— А Петухов?

— Он тоже был на операции... Только что приходил прощаться.

— А чего Сашка куксится?

— Просто беда: у него зубы пошли резаться.

— Справку какую дали?

— Ага... Только температура еще будет, говорят, даже воспаление может быть...

— Ничего, Лиля Алексеевна понимает.

Затем они шли по улицам Москвы. Вспомнили, что надо покушать. Купили булок, колбасы, ели на ходу. В одной витрине увидели резинового надувного жирафенка. Купили и вручили Сашке, который тут же начал жевать ногу жирафенка.

Около ГУМа Татьяна сказала, что она очень устала, и попросила: «Присядем где-нибудь».

Они перешли площадь и сели на широкой скамейке у

кремлевской стены. День был будничный, облачный. Солнце то пряталось, то стягивало с площади тень, и она, мелькнув по Спасской башне, куда-то надолго исчезла. Евгений хотел было поторопить Татьяну, но вспомнил, что она раньше не бывала в Москве, и они продолжали сидеть. Сидели и смотрели, как стайками проходили по площади экскурсанты, как детишки кормили голубей и менялся у Мавзолея караул.

Потом, когда Сашка заснул, Евгений отыскал такси, довез жену и сына до Белорусского вокзала. Взял билеты, уложил обоих на нижней полке. И вот тут, присев рядом, неожиданно для себя заплакал. Он плакал без слез, без всхлипов — просто сидел и, не шевелясь, смотрел в одну точку, не замечая пассажиров, проходивших мимо него по узкому проходу и толкавших его чемоданами и мешками.

Поезд тронулся, и Татьяна подняла голову.

— Где у нас пересадка?

— Спи, спи! Это гомельский, никакой пересадки... На Ломпади будем в одиннадцать шесть. Стоянка две минуты.

Он снял пиджак, укрыл им Татьяну и Сашку и вдруг подумал: ничего у них сейчас нет, ни багажа, ни чемоданов, ни самой простой авоськи с продуктами, а почему же кажется, что они самые богатые люди во всем поезде?!

Москва — Людиново — Брянск

Аркадий САХНИН

ЭХО ВОЙНЫ

РОВНО ЗА ТРИ НЕДЕЛИ до сороковой годовщины Октября по Кировскому району Курска разнеслась весть: у железнодорожного переезда, близ ворот гипсового завода, кто-то заложил мину и снаряд. Об этом заговорили все, будто новость передавалась не из уст в уста, а откуда-то сверху обрушилась на весь район.

Вездесущие и всезнающие мальчишки авторитетно утверждали, что найден не один, а десять снарядов, и даже не десять, а пятьдесят три. Перебивая друг друга, они рассказывали, как в сторону завода одна за другой пронеслись зеленые машины военного коменданта Бугаева и срочно прибывшего в Курск полковника Диасамидзе, как вслед за ними промелькнула «Победа» секретаря райкома партии Григоржевича, в которой находился и председатель райисполкома Нагорный, как, обгоняя их, промчались председатель горсовета Хомечук и еще какие-то люди.

На дорогах близ завода появились усиленные наряды милиции и комендантский патруль. Всякое движение через переезд было запрещено. К вечеру запретная зона расширилась: уже не разрешали ходить и ездить по одной из прилегающих к заводу улиц.

Руководители района видели, что надо успокоить население, но сделать этого не могли: нависшая опасность далеко превосходила даже фантазию мальчишек.

...В кабинете директора гипсового завода собралось человек пятнадцать. Здесь были партийные и советские

работники, военный комендант города подполковник Бугаев, директора нескольких предприятий, прилегающих к заводу. На их тревожные вопросы полковник Диасамидзе отвечал: пока его люди не разведают, что и как спрятано под землей, ничего сказать нельзя. Дав указание о первейших мерах предосторожности, он попросил всех оставить кабинет, который был расположен в двадцати метрах от опасного места.

Остались только полковник, военный комендант и еще два военных специалиста. Они обсудили создавшееся положение, вызвали в Курск капитана Горелика, старшего лейтенанта Поротикова и лейтенанта Иващенко. Разведка началась.

Вскоре вырисовался сильно вытянутый эллипс размером в шестьдесят квадратных метров. Мина — это всегда тайна. Как обезвредить мину, знает лишь тот, кто ее ставил. Те, кто снимает, должны раньше разгадать, как она уложена.

Опасаться надо не только заминированного снаряда. Самое страшное то, что его окружает. К нему может быть протянута замаскированная проволочка. Чтобы обезвредить снаряд, надо перерезать ее. Но случается, что именно от этого он и взлетает на воздух. Никто не знает, сколько существует способов минирования. Сколько минеров, столько способов. Впрочем, куда больше. Каждый

Иван Махалов.

Леонид Горелик.

минер может придумать десятки способов закладки мин и снарядов.

Чтобы обезвредить мину, надо провести исследовательскую работу. Но это работа не в тиши научного кабинета или лаборатории, где главное достигается экспериментами. Здесь эксперименты недопустимы—они смертельны.

Миллиметр за миллиметром офицеры и трое солдат сняли саперными ножами верхний слой грунта с эллипса. Пересыпанные землей, точно тюленьи спины из воды, показались десятки снарядов. Определили и «глубину их залегания». Теперь картина стала ясной.

В ДЕКАБРЕ СОРОК ВТОРОГО года фашистский листок «Курские известия», выходивший в оккупированном городе, напечатал статью «Напрасная тревога», в которой оповестил, что «большевизм окончательно разбит и никогда советская власть в Курск не вернется». Крикливый и самоуверенный тон статьи выдавал подлинную тревогу гитлеровцев перед мощным наступлением Советской Армии. После потери Воронежа и Касторного гитлеровское командование намеревалось закрепиться в Курске. Сюда были стянуты крупные силы, подвезено огромное количество боеприпасов. Советские войска разгромили четвертую танковую, восемьдесят вторую пехотную и добили остатки еще четырех дивизий, пришедших из-под

Василий Голубенко.

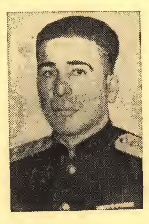
Гурам Урушадзе.

Воронежа. Участь Курска была решена. Перед гитлеровцами встал вопрос: что делать со складами боеприпасов, где находилось более миллиона снарядов и пятнадцать тысяч авиационных бомб? Вывезти их уже было поздно. Но и взорвать такое количество боеприпасов в короткий срок не представлялось возможным. Гитлеровцы решили подготовить грандиозной силы взрыв в таком месте, чтобы после их ухода он неминуемо вызвал новую серию взрывов там, где сосредоточены были снаряды. К работе приступили немецкие специалисты: пиротехники, электрики, минеры. Глубокую яму заполнили снарядами, минами.

Восьмого февраля тысяча девятьсот сорок третьего года Советская Армия освободила Курск. Специальные команды подсчитали трофеи и вывезли куда положено миллион снарядов и пятнадцать тысяч бомб. Но то, что сделали немецкие специалисты, осталось тайной.

С тех пор прошло почти пятнадцать лет. В районе, где намечался взрыв, выросли новые предприятия, десятки корпусов рабочего поселка, сотни домиков индивидуальных застройщиков.

А глубоко под землей так и остались скрытые от глаз людей боеприпасы, тая в себе огромную разрушительную силу. Остались и механизмы, сделанные пиротехниками, электриками, минерами.

Георгий Поротиков.

Николай Солодовников.

* * *

В ОСЕМЬДЕСЯТ ЧЕТЫРЕ кубометра снарядов и мин словно выгрузили в яму из самосвала. Но так могло показаться только в первую минуту. Бронебойные, фугасные, осколочные, кумулятивные бетонобойные снаряды и мины были уложены опытной рукой, чтобы никто больше не мог к ним прикоснуться.

Существует инструкция, как хранить снаряды, чтобы они не взорвались. В ней много пунктов. И, словно глядя в инструкцию, их укладывали здесь, делая прямо противоположное тому, что указано в каждом параграфе. 203-миллиметрового калибра глыбы лежали и стояли в самых опасных положениях. Их взрыватели обложены минами. Рядом кумулятивные снаряды, и снова тяжелые болванки. Все это не ровным штабелем, а как пирамида, выложенная из спичек: возьмешь одну — посыплются все. Но это не спички, которые можно аккуратно брать двумя пальцами. Фугас двести третьего калибра весит 122 килограмма. Его длина — без малого метр. Как подступиться к такой глыбе? Если стать плотно друг к другу, троим хватит места, чтобы уцепиться за снаряд. На каждого человека придется больше двух с половиной пудов.

Но можно ли поднимать снаряд? Какая гарантия, что снизу к нему не припаяна проволочка? А то, что пирамида

Камил Хакимов.

Виктор Иващенко.

заминирована, сомнений ни у кого не вызывало. Что, например, делать с кумулятивным снарядом, или, как его еще называют, бронепрожигающим? Он не дает осколков. Он прожигает броню сильной струей газа. Его тоненькая оболочка почти разложилась. Теперь он может взорваться от «ничего»: если его пригреет солнечными лучами, если легонько толкнуть... Глубокий след оставили на снарядах пятнадцать лет их подземной жизни. Металл изъеден, точно поражен страшной оспой, предохранительные колпачки проржавели и развалились. Проникшая внутрь влага вызвала химическую реакцию. Желтые, белые, зеленые следы окисления расползлись по ржавой стали. Как и на чем держится вся эта смертельная масса, трудно понять.

Время свершило свое дело — снаряды стали неприкасаемы. Оно не задело только взрывчатки. В ней та же страшная разрушительная сила, что и пятнадцать лет назад.

С неумолимой очевидностью и железной логикой само по себе пришло решение: взорвать склад на месте.

И снова собрались партийные и советские работники, директора предприятий, представители железной дороги. Молча выслушали они результаты разведки.

— Тщательная проверка установила ряд признаков чрезвычайной опасности для транспортировки,— говорил

Дмитрий Маргешвили.

Михаил Тюрин.

военный инженер.— Согласно действующим наставлениям, наличие любого из них, хотя бы одного, категорически запрещает нам передвигать боеприпасы и обязывает взорвать их на месте. Зона поражения при взрыве,— закончил он,— достигнет весьма значительных размеров.

Общий вздох, как стон, вырвался из груди людей. Ошеломленные, они еще молчали, когда им было предложено подготовить план эвакуации оборудования и готовой продукции на предприятиях, расположенных в первой, наиболее опасной зоне.

— Мне готовиться нечего,— тяжело поднялся с места директор гипсового завода С. Выменец.— Завод будет снесен почти полностью, вместе со строящимся цехом сборного железобетона. А готовой продукции у нас нет. Колхозы трех областей забирают сборные хозяйственные здания, которые мы делаем, как только они выходят из цехов. Вот... судите сами...— И, беспомощно разведя руками, он сел.

— Собственно говоря, и мне нечего готовиться,— сказал главный инженер отделения дороги К. Костылев.— Судя по сообщению, которое мы услышали, в результате взрыва будет разрушен большой участок магистральной линии Москва — Ростов, вся южная горловина станции вместе с устройствами связи, сигнализации и автоблокировки...

Анатолий Селиванов.

Он умолк, как бы собираясь с мыслями, но тут заговорил председатель райсовета И. Нагорный:

— В названную зону поражения попадают все корпуса нового рабочего городка и примерно семьсот маленьких домов с общим населением около десяти тысяч человек... Да вы что же, шутите? — неожиданно выкрикнул он, неизвестно к кому обращаясь, и резко отодвинул стул.

Один за другим поднимались руководители предприятий, учреждений, начальники строительств.

И с той же неумолимой очевидностью, как было ясно, что снаряды надо взрывать на месте, люди поняли, что на месте их взрывать нельзя.

Решили через полчаса собраться у здания обкома партии и облисполкома и идти к руководителям области.

Расходились молча, хмуро, не глядя друг на друга, каждый занятый своими мыслями. Не спросив разрешения, быстро покинул кабинет и капитан Горелик. Ушли все. Только один полковник Диасамидзе, Герой Советского Союза, депутат горсовета, остался сидеть, грузно навалившись на стол. Его одолевало собственное бессилие. Ни совесть, ни закон не давали ему права приказать своим подчиненным разбирать эту груду снарядов. Но что же делать?

Четкий, как команда, голос раздался за спиной:

— Разрешите обратиться, товарищ полковник?

Он медленно и тяжело обернулся. Перед ним стояли капитан Горелик, старший лейтенант Поротиков и лейтенант Иващенко.

— Мы просим разрешить нам вывезти снаряды и взорвать их в безопасном месте,— сказал капитан.

В первое мгновение только радость, только чувство гордости за людей, воспитанных великой партией в рядах Советской Армии, охватили полковника.

Но первое радостное чувство сменилось тревогой. Еще несколько минут назад он не имел права послать их на это задание, откуда можно и не вернуться. Сейчас от него требовалось только одно — разрешение. Разрешение рисковать жизнью людей в мирное время! Разрешить, и тогда кончатся бесконечные споры, выход будет найден.

Нет, не легче стало полковнику от просьбы офицеров. Опять те же слова: «Что делать?» — застряли в голове. Он смотрел на своих офицеров...

Капитан Леонид Горелик... Восемнадцатилетним комсомольцем пришел он добровольно в армию в памятный сорок первый год с третьего курса железнодорожного техникума. Вся его жизнь — в армии.

Около шестидесяти тысяч мин, снарядов и бомб, наших и немецких, обезвредил он вместе со своими подчиненными... Умные, проницательные глаза, высокий лоб...

Это зрелый, бывалый командир, член партийного бюро части. На его выдержку и мастерство можно положиться...

Старший лейтенант Георгий Поротиков... У него было пять братьев и пятнадцать сестер. Георгий родился двадцать первым. Он вырос широкоплечим, высоким, атлетического телосложения. Черный разлет густых длинных бровей, мужественное, волевое лицо, тщательно зачесанные волосы.

Когда война окончилась, для него она только началась. Земля Курской, Орловской, Белгородской областей была начинена минами, снарядами, бомбами. Три года извлекал он их. На счету его небольшой группы свыше десяти тысяч этих ВОПов — взрывоопасных предметов.

Воспитанник комсомола, сейчас он готовится вступить в партию. Верный, надежный человек...

Лейтенант Виктор Иващенко... Ему двадцать три года. На вид можно дать меньше. Наверно, для солидности он завел себе маленькие усики. Но это не помогает, потому что они светлые. Светлые волосы, большие-большие голубые глаза. Он подтянут, строен, аккуратен. И во всей его фигуре есть какая-то едва уловимая лихость.

Человек он решительный. Помнится такой случай. Однажды, сняв на колхозном поле более ста противотанковых мин, Иващенко заявил, что на этом участке их больше нет. Но трактористы начали сомневаться в словах юноши и к пахоте не приступали. А время было очень горячее, и председатель колхоза метался от трактористов к бойцам, не зная, что делать. Тогда Иващенко разозлился, посадил на трактор двух своих бойцов, и они вспахали все поле — восемьдесят семь гектаров.

Так поступает Иващенко при выполнении заданий. Но был случай, когда прорвалась в нем ненужная лихость и после служебных дел. И суровое наказание было... Когда Иващенко объявили приказ, он спокойно заметил: «Ну что ж, наказали за дело, а убиваться не буду. Пусть падают духом те, у кого нет веры в свои силы. Такие за первым взысканием получат еще десять. А я быстро выправлюсь». И это не осталось словами...

ТРИ СОВЕТСКИХ ОФИЦЕРА. В своем деле они достигли труднопостижимого искусства, подобно тому как китайские косторезы на крошечном, с ноготь, кусочке кости создают целые художественные полотна или советский мастер вырезает на человеческом волосе фразу в две строчки.

— А вы хорошо понимаете, на что идете? — после долгой паузы спросил полковник.

— Так точно, товарищ полковник! — отрапортовал Иващенко.— Мы обо всем подробно говорили. Если потребуется, мы готовы жертвовать жизнью.

Полковник грустно посмотрел на него:

— Этого очень мало, лейтенант!

Но что же еще можно требовать от человека, если он готов отдать свою жизнь?

Полковник снова заговорил, но тон его теперь был какой-то неофициальный, не командирский, мягкий:

— Если вы готовы во имя Родины жертвовать собой, это очень хорошо. Но готовы ли вы жертвовать другими? Может быть, десятками людей? Ведь если придется делать взрыв на месте, не погибнет ни один человек, вывезут оборудование предприятий, и, хотя ущерб будет огромным, все же при данных условиях — минимальным. Если же вы начнете работать, и произойдет взрыв... Сами понимаете, что это значит.

...На следующий день в кабинете председателя облисполкома Черепухина было принято окончательное решение: вывозить снаряды.

Началась тщательнейшая и кропотливая подготовка, которую возглавили полковник Сныков и подполковник Склифус.

Оказалось, надо было учесть десятки обстоятельств, решить уйму проблем.

Капитан Горелик собрал своих людей и подробно рассказал, что предстоит делать.

— Нам нужны шесть человек,— закончил он.— Работа, как видите, связана с большим риском для жизни. Пойдет только тот, кто сам, добровольно изъявит желание.

Первым поднялся комсомолец младший сержант Иван Махалов, русый паренек из-под Воронежа, с круглым, добродушным лицом и смешинкой в глазах. Он встал,

и вид у него был такой, будто он удивлен поставленным условием. «Раз надо, значит, сделаем, о чем разговор?» — казалось, выражал его взгляд.

Вторым встал комсомолец Дмитрий Маргешвили. А дальше уже ничего нельзя было понять, потому что поднялись все.

Кроме названных двух воинов, отобрали старшину Михаила Тюрина и комсомольцев рядовых Камила Хакимова, Василия Голубенко, Гурама Урушадзе. В эту же группу вошел водитель бронетранспортера Николай Солодовников. Вместе с офицерами — ровно десять человек.

Десять советских воинов шести национальностей из шести советских республик, воспитанные партией и комсомолом, спаянные солдатской дружбой и дисциплиной, единые в стремлении выполнить долг перед Родиной, верили друг в друга, могли смело положиться друг на друга.

На следующее утро старшина Тюрин поднял группу в пять тридцать. Вся казарма спала. Только этим и отличался сегодняшний подъем от остальных. Так же, как всегда, тщательно заправили койки, так же быстро умывались и ели ту же нехитрую солдатскую пищу — и все же что-то особенное было в начавшемся дне.

Построились во дворе, на краю огромного учебного плаца. Хмуро. Туманно. Зябко. Капитан сказал последние напутственные слова. Он еще раз напомнил об осторожности. Он говорил о воинском долге, о присяге, о боевых традициях части.

Капитан не отличался красноречием, и все, что он сейчас сказал, Иван Махалов слышал не один раз. Но, странное дело, сегодня эти знакомые слова приобрели какой-то особый смысл.

Если разобраться, то Иван был не очень доволен своей боевой судьбой: учеба, строевая, караульная служба, а если нет провинившихся, то и очередные наряды на кухне. Сиди и чисти картошку! И, будто растравляя его душу, как нарочно, одна за другой шли беседы о боях, проведенных частью, куда он пришел служить.

Здесь, на плацу, где стоял теперь Иван Махалов, он принимал присягу под боевым, простреленным знаменем.

За два года службы он стал мастером своего дела. Во всей обстановке плаца, такой знакомой и привычной, было сегодня что-то новое, неизведанное.

КОГДА ПРИБЫЛИ В ГОРОД, туман уже рассеялся. Стоял хороший осенний день. Чем ближе подъезжали к Кировскому району, тем больше попадалось встречного транспорта и пешеходов. Только один бронетранспортер двигался в направлении к станции. Километра за два до предстоящего места работы машина уже с трудом пробиралась сквозь густую толпу. Трамваи и автобусы были переполнены. Десять тысяч жителей покидали свои дома. Свертки, сумочки, корзинки, чемоданчики, а у некоторых даже узлы... Но большинство идет с пустыми руками. Люди идут спокойно, без паники, с шутками, глубоко веря, что все окончится благополучно.

Идет бронированная машина, и люди останавливаются, с интересом и уважением смотрят на солдат, машут руками, что-то кричат. Иван думает: надо бы в ответ помахать рукой, смотрит на своих товарищей, но лица у них серьезные, строгие, ответственные. Иван только сейчас обращает внимание на то, что и сам он сидит, словно аршин проглотил. Нет, это не специально он так напыжился. Такое у него состояние, будто только сейчас почувствовал всю страшную ответственность, какая на него ложится.

Медленно движется бронетранспортер. Его догоняют несколько грузовиков с милицией и солдатами. Это оцепление. Пятьсот шестьдесят человек с красными флажками, растянувшись на двадцать пять километров, оградят опасную зону во время работы. Откуда-то появляются пожарные и санитарные фургоны. Они идут на заранее отведенные для них посты.

В ЭТОТ ЧАС ОСОБЕННО людно в кабинете председателя райсовета Нагорного.

— Из дома шестнадцать по Железнодорожной ушли все.

— Дом три по Куйбышевской готов!

— Улица Герцена закончена полностью!

Это ответственные за дома, кварталы, улицы докладывают, что население покинуло свои жилища. И вот уже

весь район оцепления опустел. Только одна машина подполковника Бугаева и начальника милиции объезжает затихшие улицы.

В конторе путейцев расположился штаб Сныкова и Склифуса. Здесь же партийные и советские работники, директора остановившихся предприятий. И так непривычно выглядит здесь радист с походной рацией.

— «Резец»! «Резец один»! «Резец три»! — раздается в эфире.— Я «Резец два». У аппарата подполковник Склифус. Готовы ли приступать к работе? Прием.

— Докладывает лейтенант Иващенко. К приемке снарядов готовы.

— Говорит заместитель начальника станции Химичев. Паровозы и вагоны из южного парка угнаны. Поездов на подходе нет.

— Докладывает капитан Горелик! Все на местах. Транспортер в укрытии, прицеп подготовлен к погрузке. Разрешите приступать к работе! Прием.

— Приступайте.

Взвились в воздух три красные ракеты. Тревожно завыла сирена.

Работа началась. Тончайшая, ювелирная работа над огромной массой земли, над глыбами стали, чугуна, меди, над тоннами взрывчатки и сотнями оголенных взрывателей.

Сейчас самый страшный враг — земля. Ведь снят только самый верхний слой. Она под снарядами, она спрессована и зажата между ними, она налипла на взрыватели, и неизвестно, что в ней спрятано. Надо очистить землю, не касаясь металла, надо нащупать, что скрыто внутри нее. У каждого своя граница, четко обозначенная полость, которую предстоит вскрывать. Едва ли хирург, производя сложную операцию, работает столь трепетно, с таким напряжением воли, нервов, всех своих сил, как пришлось действовать сейчас воинам. Работали молча, сосредоточенно. И вот уже снята, очищена, сдута каждая крошка земли со всего эллипса площадью в шестьдесят квадратных метров. Сразу стало видно, какой снаряд брать первым.

Возле 203-миллиметрового фугаса лицом к нему становятся Иван Махалов, Дмитрий Маргешвили, Камил Хакимов.

— Приготовиться!.. Взяться!.. Приподнять! — звучит команда.

Такой тяжелый груз хорошо бы взять рывком. Но это категорически запрещено. Его надо не оторвать, а отделить от земли, как отделяют тампон от раны. И приподнять приказано только на один сантиметр.

Лежа на земле, капитан и старший лейтенант с противоположных сторон смотрят, не тянется ли к снаряду проволока. Они очищают землю снизу.

— Поднять! — раздается новая команда. Медленно разгибаются спины.

Обычно, если человек несет тяжелый груз, он идет рывками. Каждый шаг — рывок. Это особенно наглядно, когда смотришь замедленную съемку переноски грузов. Но здесь рывков не должно быть. И три солдата, три спортсмена-разрядника, тесно прижавшись друг к другу, движутся, как один механизм. Нельзя качнуться, нельзя оступиться, нельзя перехватить руку. Плывет снаряд весом более семи с половиной пудов. Его шероховатое, с острыми выступами, изъеденное ржавчиной тело впивается в ладони. Это хорошо. Он может содрать кожу, но не выскользнет.

К огромному с открытым бортом прицепу, на одну треть заполненному песком, ведет помост. Медленно плывет над ним снаряд. И вот уже все трое ступили на прицеп. Ноги вязнут в песке. Впереди для ноши в песке приготовлена выемка — «постель». Снаряд опускают туда бережно, будто действительно кладут в постель грудного ребенка после операции.

Теперь надо идти за вторым. Но на поверхности нет ни одного снаряда, который можно было бы поднять, не задев соседние. Начинается более сложная и опасная работа. С предельной осторожностью приподнимают немного с одной стороны тяжелый снаряд и освобождают легкий. Работа только началась, а на лбу людей уже первые капельки пота.

Шестнадцать снарядов откопали, перенесли и уложили. После такой тяжелой работы руки немного дрожат. Грузчику, например, всегда трудно обращаться с маленькими, хрупкими вещами.

А вот теперь надо снова очищать землю. Надо, чтобы руки не дрожали. И уже не за рукоятки, а за лезвия са-

перных ножей берутся люди. Берутся так, чтобы жало выступало между пальцами, как безопасная бритва из станочка. И вдруг высоко над головой вспыхивает огромная красная лампа. В ту же секунду сильный и резкий звонок, как на железнодорожном переезде, оглашает все вокруг. Это сигнал о том, что идет пассажирский поезд. И, в подтверждение, голос в эфире:

— «Резец»! «Резец»! Я «Резец три». В поле зрения поезд Москва — Тбилиси. Прекратите работу.

— А-а, черт его несет! — в сердцах бормочет капитан.

— Это за мной подали,— тихо говорит Маргешвили, обращаясь к Махалову.— Мне в Тбилиси пора.— Но шутку слышат все, и все улыбаются.

Спустя несколько минут лампа погасла, умолк звонок. Химичев сообщил по рации, что можно продолжать работу. Капитана вызвал к аппарату Склифус, и тот пошел в укрытие, где находилась рация.

Иван Махалов счищает землю. Вот он сбрил тоненький слой, протянул нож, чтобы снова пройтись по этому же месту, и вдруг резко отдернул руку. На сердце будто растаяла мятная конфета: сердце обдало щемящим холодком. Это был не страх. Страшно, наверное, бывает под пулями. Было жутко. Под слоем земли, которую он собирался снять, будто вздулась тоненькая, как кровеносный сосуд, жилка. Она шла от взрывателя 152-миллиметрового снаряда и исчезала где-то между другими болванками.

— Что случилось? — спросил Поротиков, обратив внимание на застывшего солдата.

Махалов ничего не ответил. Он молча показал рукой на жилку.

— Все в укрытие! — скомандовал старший лейтенант.

Солдаты молча поднялись и пошли.

Поротиков внимательно осмотрел изъеденную временем проволоку. Местами сохранилась изоляция, сгнившая, мягкая, как глина. Местами видны тоненькие, оголенные нити.

Старший лейтенант берет узкий обоюдоострый нож, вернее что-то среднее между ножом и шилом. Начинается в самом полном смысле слова граверная работа.

Оказалось, что проволока прикреплена к колечку чеки, вставленной во взрыватель. Чека диаметром не боль-

ше двух миллиметров. Сделана, видно, из особого сплава. Железная давно бы превратилась в труху. Но и эта проржавела так, что и не поймешь, на чем держится... Будь это новая установка, чеку легко было бы придержать рукой, чтобы не выскочила, и перерезать проволоку. Но сейчас к чеке прикасаться нельзя. Кажется, что она может переломиться от ветра. Тогда, ничем больше не удерживаемая, пружина разожмется, острый стержень ударит в капсюль. Взорвется весь склад.

Запыхавшись прибежал капитан.

— Да-а,— протянул он, посмотрев на чеку.— А ведь в снарядах такого калибра чеки не бывает. Специально сделали.

Начали искать, куда ведет второй конец шнура. Теперь за шило-нож взялся капитан. Он уже освободил от земли сантиметров сорок проволоки, когда показался второй конец.

Одну за другой капитан переламывает тонкие нити проволоки у взрывателя. Кусачками это делать нельзя. Пальцы чувствительней... Теперь можно звать солдат.

А солдаты тем временем сидели в укрытии и мирно беседовали.

— Да-а,— говорит Маргешвили,— ох, и подбросило бы нас!

— А что, неплохо,— улыбается Махалов,— мы бы в спутников превратились.

Солдаты дружно смеются.

В кузов уложили шестьдесят семь снарядов, сделав для каждого отдельное гнездо. Подогнали и прицепили бронетранспортер, получили по рации разрешение ехать, выпустили красную ракету, и первый рейс начался.

ДОРОГА ШЛА ЧЕРЕЗ ПЯТЬ УЛИЦ и переулков, а потом выходила в поле. Это была дорога, какие еще можно встретить на иных окраинах городов и в сельском районе. Изрытая, в ухабах, с глубоко продавленной колеей, с объездами и рытвинами.

Специально для рейсов бронетранспортера дорогу спешно исправляли, заравнивали, утрамбовывали. Но разве в короткий срок все исправишь!

Медленно идет бронированная машина. Тихо и пусто вокруг. Не слышно обычного грохота гипсового завода, затихла шпагатная фабрика, не дымят трубы завода передвижных агрегатов, умолкли паровозы и рожки стрелочников.

Машина миновала железнодорожный переезд и выехала на опустевшую улицу. Запертые калитки, закрытые ставни окон, ни одного дымка над домом. Ни собаки, ни кошки. Даже птицы не летают, словно почуяв опасность. Мертвый город.

Николаю Солодовникову не раз приходилось проезжать по этим улицам. Непривычно и пусто вокруг огромного здания школы. Висит замок на тяжелом засове «Гастронома». Опущены жалюзи на павильоне с вывеской «Ремонт обуви». Чуть дальше — детская консультация. Из двора этого дома обычно выносят узенькие бутылочки с делениями. Это молоко для грудных детей. Сейчас все закрыто, заперто.

Медленно, точно огромный жук, ползет, переваливаясь, тупорылая машина со смертоносным грузом. Тяжелые бронированные боковые щитки закрыты.

Внимательно смотрят на дорогу водитель и капитан. Впереди выбоина. Чтобы не попасть в нее, надо ехать по самой бровке кювета. Ни одного сантиметра в сторону. Для хорошего шофера протиснуться здесь не так уж трудно. Но ведь сзади прицеп. Он может сползти. Капитан открывает дверцу и низко склоняется на подножке. Теперь ему видны баллоны прицепа. Они проходят точно по колее машины. Но дальше дорога сильно скошена. Теперь капитан уже стоит на подножке, вытянувшись на носках. Он смотрит на снаряды. Кузов наклоняется на одну сторону, и кажется: вот-вот они покатятся.

— Тише! — командует капитан.— Еще тише! Вот так.

Снова опасное место позади, но надо преодолеть еще немало препятствий. И Солодовников вдруг замечает, что обеими руками крепко вцепился в руль, все тело напряжено. Так ездят новички. «Что же это?» — недоволен собой водитель. Он расслабляет мышцы.

На вершине песчаного карьера стоит лейтенант Иващенко.

Карьер сильно разработан, весь в горах, ямах, высту-

пах. Спуститься к месту, где будет взрыв, не удастся. Но и далеко остановиться нельзя: трудно будет таскать снаряды.

На первой скорости, с включенным передним мостом машина въезжает в карьер. Снаряды сгружают на землю. В это время капитана срочно вызывают к рации. Старший лейтенант Поротиков докладывает, что обнаружена установка на электроминирование двух снарядов.

— До моего возвращения к снарядам не подходить! — командует капитан.

Этот разговор по своей рации слышит полковник Сныков.

— Передайте капитану Горелику,— говорит он,— чтобы без меня установку не трогали. Выезжаю на место.

— А взрывать снаряды можно? — спрашивает Иващенко.

— Можно!

Медленно, со всеми предосторожностями перетаскивают привезенные снаряды в яму.

Иващенко наклонился над последним кумулятивным снарядом и инстинктивно качнулся в сторону. Снаряд издал треск. Будто согнули ржавую полосу железа, будто коснулись друг друга оголенные провода под током.

Схватив горсть мокрого песка, Иващенко аккуратно положил его на оголенное место снаряда. Он понял, что снаряд успел нагреться даже на осеннем солнце и началась реакция. Чтобы прекратить ее, надо охладить снаряд.

Все прячутся в укрытие. Выждав необходимое время, лейтенант выходит. Он несет в общую кучу последний снаряд и укладывает шашки так, чтобы взрыв ушел в землю. И вот наконец все готово.

Из укрытия выходит лейтенант Селиванов и соединяет короткие провода от шашки с длинным электрическим шнуром, тянущимся к окопу с электрической машинкой. Последний внимательный взгляд на всю местность вокруг. Уходят оба лейтенанта.

Машинка похожа на полевой телефон. Так же сбоку торчит маленькая ручка. Несколько быстрых оборотов,

и на машинке загорается красная лампочка. Теперь в ней возник ток высокого напряжения. Лейтенант Селиванов нажимает кнопку... Содрогнулась земля. Первая партия снарядов уничтожена.

В то время как лейтенант готовил взрыв, снова шла хирургическая работа над минной установкой, куда более сложной, чем первая. Теперь электрические провода, припаянные к снаряду, обвивали соседние болванки и заканчивались новой пайкой где-то далеко в глубине. И снова сильные, умные, золотые солдатские руки извлекали смертельные провода. И снова грузили стальные глыбы, и снова ползла бронированная машина по опустевшим, немым улицам. Дрожала земля от взрывов. Один, второй, третий, четвертый... пока не взвился в воздух, точно салют победы, зеленый сноп ракет.

Все!

С ОГРОМНОЙ скоростью пронеслась на радиоузел машина Нагорного.

— Диктор! Где диктор? — закричал он, вбегая в помещение.

Диктора на месте не оказалось.

Нагорный сам бросается к микрофону.

— Граждане! Исполнительный комитет депутатов трудящихся Кировского района извещает, что все работы по вывозке снарядов закончены. С этой минуты в районе возобновляется нормальная жизнь.

Радость переполняла его. Ему хотелось сказать еще что-нибудь, но все уже было сказано, и он растерянно и молча стоял у микрофона.

И вдруг, вспомнив, как это делают дикторы, он медленно произнес:

— Повторя-яю!

И опять умолк, то ли забыв только что сказанное, то ли слова эти показались ему сухими, казенными. И неожиданно для себя он почти выкрикнул:

— Товарищи, дорогие товарищи! Опасность миновала, спокойно идите домой...

А в ту минуту, когда произносились последние слова, уже хлынул народ к обессиленным, счастливым солдатам... И понял Иван Махалов, как во время войны встречали советские люди своих освободителей.

ПОЧЕМУ ДОНЕСЛОСЬ ЭХО ВОЙНЫ?

Ответ читателям

КАК БЫЛ НАЙДЕН СКЛАД снарядов в Курске и как могло получиться, что его не обнаружили в 1943 году?

Эти вопросы задали более ста читателей «Комсомольской правды». А тов. В. Шильков, член партии с 1919 года, выразив горячую благодарность воинам, спасшим от разрушения целый район города, заканчивает свое письмо так:

«Одновременно я хочу знать, как могло получиться, что эти снаряды не были обнаружены сразу после изгнания фашистов? Обычно миноискателями прощупывают всю местность и выявляют даже отдельные мины, а тут проворонили целый склад».

— Надо ответить читателям,— сказали мне в редакции.

Ответить на первый вопрос — как был найден склад — не трудно. Просто моя оплошность, что я не рассказал об этом в очерке «Эхо войны». А вот со вторым вопросом дело сложнее. Но отвечать читателям действительно надо, и я принялся за «раскопки». Они привели на одну из наших северных военно-морских баз и внесли ясность в интересующий нас вопрос. Но об этом ниже. Прежде всего о событиях последнего времени.

Курск, как и другие советские города, ведет большое строительство. Возникла необходимость проложить под землей новую высоковольтную линию. Для этой линии и рыл траншею экскаваторщик Шергунов.

...Взметнулся очередной ковш земли и застыл в воздухе. Стена траншеи немного осыпалась, и странным показался Шергунову пласт грунта в образовавшейся нише.

Но времени терять не хотелось. Да и какая ему разница, что там за грунт. Следующим «заходом» он поддевет эту черную массу, и тогда все станет видно. Шергунов снова взялся за рычаги, чтобы отвести в сторону и опрокинуть ковш. Но взгляд опять уперся в черное пятно.

А может быть, это остатки древней посуды? Ведь нашли же недавно какие-то черепки, представляющие большую историческую ценность.

Шергунов выключил мотор и спустился в траншею. Около десятка снарядов лежали в стене, как чертежные принадлежности в готовальне.

Вот тебе и черепки!

Бывший сержант Советской Армии, он хорошо знал, что такое снаряд, пролежавший в земле годы. Аккуратно расчистив пальцем песок, он бережно вынул снаряд, за которым обнажилась страшная пирамида.

«Нет, к тем прикасаться нельзя»,— определил он.

Все, что происходило дальше, читатели знают, и можно вернуться к тем дням, когда фашисты заложили этот склад.

ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ ЛЕНИНГРАДСКОГО военно-инженерного училища комсомолец Анатолий Чернов был направлен в Сибирь, в одну из формирующихся частей, а спустя полгода — на Воронежский фронт. Здесь в тысяча девятьсот сорок втором году, на девятнадцатом году своей жизни, он получил первое боевое крещение и первое ранение.

Восьмого февраля сорок третьего года Анатолий Чернов в числе первых советских воинов появился на окраине Курска Весь день он снимал мины, оставленные врагом. А поздно вечером его вызвал командир саперного батальона капитан Дегтярев

— По данным разведки,— указал капитан на карту,— вот здесь, в районе Дальних парков, остался в полном порядке крупнейший склад боеприпасов. На охрану его я послал старшего сержанта Зайцева и двух солдат. Отправляйтесь туда завтра пораньше и посмотрите, что к чему.

На следующий день, на рассвете, Чернов и саперы Картабаев и Синицын вместе с Зайцевым начали осмотр трех кирпичных и более двадцати деревянных хранилищ,

огражденных двойным колючим забором. Всюду мины, снаряды, тол, бомбы. Между хранилищами высились штабеля боеприпасов, наполовину занесенные снегом. Сразу стало ясно, что бежали отсюда поспешно, не успев навредить.

На каждом штабеле — таблички с четко выведенными надписями: «Противотанковые мины. 1 000 шт.», «Внимание! Снаряды с ввернутыми взрывателями. 203 калибр. 500 шт.», «Осторожно! Капсули-детонаторы», «Внимание! Русские снаряды». Черная, красная, желтая, сиреневая окраска снарядов и бомб указывала их назначение: бронебойные, бетонобойные, осколочные... На ящиках с взрывчаткой, похожей на фруктовый кисель в порошке, той же стандартной формы, надпись — «Донорит», а ниже — вес каждого ящика и общее их количество. На одной из табличек после цифры «1 500» написано мелом: «Выдано 500. Остаток — 1 000».

Лейтенант Чернов прилично знал немецкий язык. Эти таблички, как бухгалтерская книга, раскрывали перед саперами все богатство трофеев. Подсчитать их было нетрудно: более семисот тонн взрывчатки, двенадцать тысяч снарядов, пятнадцать тысяч противотанковых мин, около трех тысяч авиационных бомб, два мощных понтонных парка и другое имущество. Кроме того, на подъездных путях стояло восемнадцать вагонов с боеприпасами.

В конторке, задернутая занавеской, висела схема склада с указанием, где и что находится. Выделялась крупная надпись. Она предупреждала о том, что полоса земли между внешним и внутренним колючим забором заминирована. Видимо, там были уложены мелкие противопехотные мины типа «лягушка».

В какой же панике бежали отсюда гитлеровцы, если все оставили в таком образцовом порядке! Саперам предстояло лишь «принять» и «заприходовать» содержимое склада.

На всякий случай решили на выборку проверить, точны ли надписи и цифры. Чернов и Картабаев приступили к работе у одного из штабелей, а Зайцев и Синицын отправились в глубь склада.

Лейтенант и солдат пересчитали большой штабель ящиков с толом и убедились, что цифры на табличке указаны правильно. Чернов записал в свою книжечку общее

количество боеприпасов по видам и назначению. Делать здесь больше нечего было.

Но что-то мешало Чернову уйти, и он злился на самого себя, не понимая, что же его удерживает в этом аккуратном складе, когда в батальоне работы по горло. И как только в голове мелькнула эта мысль, он понял: именно эта аккуратность, этот образцовый порядок, предостерегающие надписи и раздражали его. Будто фашисты заботились, как бы здесь по неосторожности не подорвался советский минер. Неужели не могли сорвать хотя бы схему склада с указанием на то, что ограда заминирована! Так выглядит склад, оставленный не противнику, а подготовленный к инспекторскому смотру.

— Ну-ка, давай посчитаем, сколько шашек в каждом! — решительно махнул рукой Чернов, обращаясь к Картабаеву.

Лейтенант подошел к одному из ящиков, у которого крышка была прижата не плотно, и чуть-чуть приподнял ее. Приподнял настолько, чтобы увидеть, не тянется ли за ней проволочка, веревочка или цепочка — эти извечные враги минеров.

— Осторожно, гвозди! — испугался Картабаев, видя, что лейтенант чуть ли не всовывает голову под крышку.

Ничего опасного на внутренней стороне крышки Чернов не обнаружил. Он увидел лишь толовые шашки, сверху занесенные снегом. Но и это, конечно, естественно, потому что крышка была закрыта не плотно. Можно было смело открывать ее. Но Чернов медлил. Он повернул голову, и казалось, уже не осматривает, а выслушивает ящик. Потом он совсем открыл крышку и приложил ухо к шашкам.

«Тик-так, тик-так, тик-так»,— услышал он теперь совершенно отчетливо.

— Вот тебе и таблички! — сказал Чернов, разгибаясь.

— Эм Зэ Дэ! — поразился Картабаев, тоже выслушав ящик.

— Да, мина замедленного действия. Предупреди Зайцева, бегом, а потом осмотришь соседнее хранилище,— скомандовал лейтенант, снова наклоняясь над толом.

Время от времени дуя на пальцы, Чернов очищал снег, пока не оголил весь корпус часового взрывателя. Он был похож на графинчик с узким горлом. Такой механизм лейтенант видел впервые. Надпись «I Feder so4» ничего

ему не говорила. На корпусе — маленькое стеклянное окошко. Сквозь него видно красивое зубчатое колесико — маятник. «Тик-так, тик-так, тик-так»,— выстукивает оно.

Колесико отсчитывает время, оставшееся до взрыва.

Как остановить часы, лейтенант не знал. Он решил поскорее унести ящик на пустырь, подальше от этого огромного склада. Но сначала надо проверить, не связана ли мина замедленного действия с другими ящиками. Руками и ножом расчистив вокруг снег, он попытался приподнять немного опасный груз. Ящик не пошелохнулся. Лейтенант напряг все силы, но результат был тот же. Он испугался: такой груз может поднять и унести один человек, а здесь даже тронуть его с места не удается.

После тщательного осмотра штабеля у лейтенанта совсем опустились руки. Весь верхний ряд, штук двадцать ящиков, оказались соединенными между собою намертво и представляли единое целое, как ячейки в сотах. Видимо, сначала сбили гвоздями их боковые стенки, а потом заполнили шашками.

Нет, не удастся лейтенанту унести мину. Враг оказался хитрее. Он лишил возможности советского сапера легко разделаться с этим ящиком.

Оставался последний выход: вернуться к уже отвергнутому плану — остановить часы.

КАК МОЛОТОЧЕК БУДИЛЬНИКА начинает стучать по звонку в ту минуту, на которую поставлена стрелка, так и здесь, острие бойка поразит капсуль точно в назначенное врагом время. Но стрелка будильника показывает, когда будет звонок, а когда сработает часовой взрыватель, знает только тот, кто его ставил.

По надписям, делениям, цифрам, указателям Чернов определил, что перед ним часовой взрыватель, рассчитанный на двадцать одни сутки. Поставлен он на пять дней, четыре часа и десять минут. Но когда истекут эти дни, часы, минуты?

Красный треугольник подвижного кольца, опоясывающего корпус, стоит против красной риски: часы поставлены на «взрыв». Об этом говорит и надпись «geht», что означает — механизм «идет». Надо повернуть кольцо так, чтобы красное острие совместилось с белой риской, где написано «steht»,— стоит. Но надо ли? Может быть, имен-

но на этот поворот кольца и рассчитывал враг? Повернешь кольцо, и оно сработает, как выключатель, соединятся скрытые внутри контакты, и грохнет взрыв.

Можно отвернуть нижнюю крышку и посмотреть, что внутри. Можно ли?

Стоять и раздумывать определенно нельзя. Ведь часы не стоят, а идут. Каждые полсекунды об этом напоминает тикание маятника. Какое огромное искушение покрутить, повертеть эти кольца, винты, штифтики! Ведь должен же остановиться маятник! Должен. Но экспериментировать нельзя.

Снимать неизвестную мину всегда трудно. А если в ней часовой механизм, человека со слабыми нервами она может свести с ума. Это монотонное, едва уловимое тикание, ритмичное, назойливое, неотвратимое, заставляет прислушиваться к нему, не дает сосредоточиться, подавляет волю.

Надо собраться с мыслями, надо спокойно, ни на что не отвлекаясь, не прикасаясь к мине, не торопясь, разгадывать тайну.

«Ско-рей, ско-рей, ско-рей»,— тикает проклятое колесико. Взгляд устремляется к нему. Его хорошо видно сквозь стеклянное окошко, это новенькое, отшлифованное, сверкающее медью зубчатое колесико: тик-так, тик-так...

Над ним тоненькая, словно из волоса, спиральная пружинка. Она свивается и развивается. Кажется, что она дышит. С каждым вдохом и выдохом колесико метнется то вправо, то влево. Каждый его поворот отсчитывает полсекунды. Тик-так — одна секунда. Вдох-выдох — еще одна. Какой-то вдох или выдох будет последним.

Часы идут. Очень точные, тщательно выверенные, сработанные на алмазных камнях лучшими немецкими мастерами. Тот, кто приказал поставить их сюда, будет по секундомеру ожидать взрыва. Они не подведут его. Они не отстанут и не уйдут вперед. Они выполнят его волю. Он будет точно знать, в какую минуту посылать разведывательный самолет, чтобы определить размеры бедствия. Он будет точно знать минуту, на которую назначить атаку.

Его волю должна сломить воля минера.

Смотреть на маятник нельзя, как нельзя верхолазу смотреть вниз: работать не сможешь. Но оторвать взгляд

от маятника трудно. Он притягивает, околдовывает. Он подчиняет мысли и движения своему ритму. К этому ритму подходят любые слова. И отстукивают в голове самые страшные из них: не снять, не снять... Этот ритм парализует, уводит минера от его дела, навязывает иные мысли, ненужные, вредные: «На каком же ударе должен быть взрыв?»

«Сей-час, сей-час, сей-час...»

Грохнуть бы кулаком по этой нежной пластмассовой оболочке, раздробить к чертям стеклышко, колесики, штифтики...

Эти мысли — первый шаг к поражению. Значит, нервы уже не выдерживают.

Лейтенант Чернов понял, что остановить часы без риска не сможет. Но легко рисковать, если речь идет только о собственной жизни. А кто же даст право рисковать жизнью дивизий, только что освободивших Курск, жизнью самого города, полуразрушенного, но уже свободного, уже советского!

Позвать кого-нибудь? Но ведь часы идут! Эти точные, калиброванные часы с красивым маятником. Они совершенно отчетливо выговаривают: «Уй-дешь — взор-вусь, уй-дешь — взор-вусь...» И лейтенант Чернов принимает окончательное решение: не останавливать часы, а отделить от тола часовой механизм и унести его.

Но как же трудно, как мучительно трудно и страшно выполнять это решение. И все-таки оно уже принято, твердое, непоколебимое, вселяющее уверенность. Оно уже заглушает тикание маятника, уже нет назойливого вопроса: «Что делать?» Действовать! Взгляд уже прикован к узкой части корпуса, где ударный механизм соединяется с часовым. В нее ввинчен капсуледержатель, куда, в свою очередь, запрессован капсуль-воспламенитель. Снизу, в приливе,— капсуль-детонатор. И все это загнано в гнездо запальной шашки.

Воспламенитель, детонатор, запал. Их надо разъединить. Капсули — нежные, как одуванчик. Они не терпят внешнего воздействия, как и оголенная рана. Но они плотно загнаны один в другой, ввинчены в запальную шашку. Надо снять бинт с оголенной раны, не коснувшись ее. Надо разъединить воспламенитель, детонатор, запал

БЕЗЗАБОТНО ТИКАЮТ часы. Замерзшие, окоченевшие пальцы ощупывают холодный металл и пластмассу. Жарко. Спина вспотела, намокла рубаха. Чернов отодвигает на затылок шапку, сбрасывает шинель. Ветерок обдувает влажные волосы, холодит спину.

Лейтенант склонился над механизмом... Кончики пальцев очень чувствительны. В них тоненькие разветвления нервных веточек. Острия веточек подходят почти к самой коже. Надо все делать только кончиками пальцев. Надо чаще отогревать и растирать их, чтобы они не потеряли чувствительности...

Ветер высушил влажные волосы. Минер растирал о них пальцы, плотнее надвигал шапку. И снова лоб покрывался испариной, снова на затылок отодвигалась ушанка...

Беспомощным, ничтожным и жалким показался Чернову писк зубчатого колесика, когда часовой механизм был извлечен из ящика. Отойдя метров на двадцать от штабеля, лейтенант положил на снег взрыватель. Пусть теперь тикает.

Зайцев, Картабаев и Синицын обнаружили несколько мин замедленного действия точно такого же типа, как первая. Но прием, с помощью которого обезврежена одна мина, может привести к взрыву на другой. Надо все начинать сначала.

Когда стемнело и работать уже нельзя было, саперы подсчитали трофеи. Двадцать три часовых взрывателя лежали на снегу. Их извлекли из толовых ящиков, из донорита, из хвостового оперения авиационных бомб.

Взяв образцы часовых механизмов, лейтенант Чернов отправился в штаб армии. В ту же ночь на склад был послан батальон саперов. Они извлекли более сорока взрывателей. Хранилища и штабеля были полностью обезврежены.

В ГОРОД Я ПРИЕХАЛ рано утром и сразу же отправился в порт. Море было закрыто туманом. Горбы подводных лодок торчали из воды. Здесь, на пирсе, мне и показали человека с двумя просветами на погонах.

Да тот ли это Чернов? Военно-морская форма... Подводные лодки... Что ему здесь делать?

— Да, тот самый,— улыбаясь, протянул он мне руку.

— Как же забыть! — ответил Анатолий Александрович

на мой вопрос.— Все помню, хотя с тех пор прошло пятнадцать лет. Ведь это была моя первая мина замедленного действия.

Сколько их потом прошло через его руки, пока не ступил он на вражью землю! Механические, управляемые, магнитные, прыгающие, металлические, деревянные, нажимного и натяжного действия, «неизвлекаемые» — не перечесть. Он снимал их на мостах и переправах, в домах и на железнодорожных узлах, вытаскивал из-под асфальта шоссе, убирал с лесных тропинок и с широких степных просторов. Он находил взрывные механизмы в стартере автомашины, в брошенном танке, на сеновале, на паровозе. В зависимости от того, пекло ли солнце, валил снег или хлестал осенний дождь, он извлекал мины из раскаленного песка и пыли дорог, из глубокого снега, из грязи. Он снимал их под огнем противника, днем или ночью, в городах или селах.

Он был ранен, лежал в госпитале и снова возвращался к минным полям. Коммунист Чернов добывал победу.

Мне интересно было, чем он занимается сейчас на базе подводных лодок. Но, к сожалению, сообщить об этом не могу. Не знаю. Спрашивать было неловко, а сам он об этом не говорил. Ясно только одно — у него очень опытные и очень надежные руки. И дело, наверное, они выполняют подходящее.

Анатолий Александрович подробно рассказал о том, как был освобожден Курск, о боевых героических делах саперов. Я показал ему письмо В. Шилькова, передал вопрос читателей: как же могло получиться, что в сорок третьем году не был обнаружен подземный склад?

Из рассказа Анатолия Александровича и многих данных, которые удалось получить до встречи с Черновым и после нее, создалась совершенно ясная картина.

Как уже сообщалось, к моменту отступления гитлеровцев, в Курске находилось более миллиона снарядов и пятнадцать тысяч авиационных бомб. Вывезти их не представлялось возможным. Гитлеровцы решили взорвать свои склады, когда в город войдут советские войска.

Одновременный взрыв такого гигантского количества боеприпасов мог нанести неизмеримый урон. Погибли б[illegible] город, все войска и техника, расположенные на десятк[illegible]

квадратных километров. А силы здесь были собраны немалые.

Справедливости ради, надо сказать, что для противника это был наиболее выгодный план, который он тщательно продумал и хорошо подготовил.

Снаряды находились в эшелонах на станции и на нескольких крупных складах. В каждом из них оказались десятки мин замедленного действия. Минирование осуществлялось с таким расчетом, чтобы при любых условиях была гарантия, что взрыв произойдет. Если раскроют и обезвредят одну установку, сработает другая. Ее, в свою очередь, страхует третья, четвертая... десятая. Если оказались бы обнаруженными все установки на одном складе, в «запасе» оставались другие хранилища и эшелоны на железной дороге.

Для еще большей уверенности в том, что от взрыва одного склада по детонации взорвутся остальные, поставили промежуточный детонатор. Это и была та яма, которую впоследствии обезвредили люди капитана Горелика. Ее заложили на пустыре, как бы в центре складов. Она находилась в пятистах метрах от эшелонов с боеприпасами и в полутора километрах от хранилищ, разминированных Черновым. Взрыв на любом складе по детонации вызвал бы взрыв снарядов в яме, который в свою очередь передался бы на остальные базы.

Такую сложную систему минирования и тщательную ее маскировку нельзя было осуществить перед самым отступлением. Судя по часовым взрывателям, к работе приступили за неделю до предполагавшегося отхода. Часы пришлось установить не на короткий срок, а на несколько суток. Все часовые механизмы должны были сработать одновременно, в первую ночь после прихода советских войск.

Обнаружить и обезвредить в такой срок всю эту сложную систему не представлялось возможным, и враг хорошо это понимал. Время было ограничено его волей, ходом часов.

Почему же не сработал весь этот точно рассчитанный механизм?

Причин здесь несколько. Прежде всего потому, что командование Воронежского фронта отдало приказ выбить гитлеровцев из Курска на несколько дней раньше,

чем те собирались покинуть город. Во-вторых, потому, что наши войска сумели выполнить приказ командования. Это коренным образом изменило положение. Если бы враги отступили в намеченный ими день, взрыв был бы неизбежен. Но наше командование поломало планы врага, навязало ему свою волю. Советские саперы получили большой резерв времени. В запасе у них оказалось не несколько ночных часов, а от трех до четырех дней.

Немецкий план провалился, в-третьих, потому, что в нашей армии воевали такие саперы, как Анатолий Чернов, которые были способны разгадать и парализовать все хитросплетения вражеских саперов.

Этот план не повлек никаких последствий потому, что наши рабочие, такие, как экскаваторщик Николай Шергунов, обнаруживший подземный склад, не теряют бдительности, какую бы работу ни выполняли.

Наконец, этот план потерпел полный крах потому, что наша армия мирного времени состоит из таких людей, как группа капитана Леонида Горелика, в совершенстве владеющих воинским мастерством, способных идти на любой подвиг во имя Родины.

* * *

Ну, А ПОЧЕМУ ЖЕ не обезвредили склад боеприпасов в 1943 году? После того, как были разминированы все крупные склады, яма потеряла свое значение. Ставка, которую делали на нее враги, была бита.

Искать же мины на пустыре, где находилась яма,— бессмысленно. Миноискатель не определяет, что под землей — мина или снаряд. Он показывает лишь, что под землей металл. А пустырь, как градом, был усеян осколками, повсюду валялись остатки разбитой техники.

Эта яма осталась как одна из бесчисленных ран войны, которую невозможно вылечить в один день, как нельзя было в такой срок восстановить все разрушенное войной.

* * *

Вечером мы пошли с Анатолием Александровичем матросский клуб. Я рассказывал морякам о подробност

последних событий в Курске. И что-то общее, одинаковое, знакомое, показалось мне в людях, заполнивших огромный зал. Нет, это не одинаковая форма и не широкие плечи... И вдруг я вспомнил.

Здесь я должен сделать маленькое отступление. Вскоре после того, как был уничтожен склад снарядов в Курске, Московская студия телевидения пригласила группу капитана Горелика выступить перед зрителями. Пусть не обижаются на меня работники телевидения, но выступать у них страшно. Огромные прожектора на треногах, на потолке бьют в глаза, немилосердно греют. Аппараты со светящимися лампочками бесшумно надвигаются на человека. Мертвая тишина, и только один голос выступающего, который не видит, перед кем говорит.

Когда пришла очередь младшего сержанта Ивана Махалова, он стушевался. Секунды две он молчал, а потом, смущенно улыбаясь, сказал:

— Я очень готовился, когда ехал сюда, а вот сейчас сбился... извините.

Потом вдруг лицо его стало уверенным, волевым, и с огромной внутренней убежденностью он произнес:

— Я только одно скажу — если надо, сделаем! Все сделаем, что партия скажет!

Именно такое выражение я и видел на лицах матросов с подводных лодок.

Аркадий САХНИН

«ЭХО ОТВЕТНЫХ ЧУВСТВ...»

(Вместо послесловия)

Уж так повелось в нашей стране, что славные дела, подвиги неизменно вызывают в сердцах миллионов людей могучую ответную волну чувств. Так случилось и на этот раз: на следующий же день после опубликования в «Комсомольской правде» очерка «Эхо войны», рассказывающего о подвиге пятнадцати воинов-саперов, на редакционный стол легли первые письма-отклики. Поток писем ширился и скоро превратился в могучую реку: тысячи и тысячи людей хотели поздравить героев с высокой правительственной наградой.

Вот лежат они — сотни разноцветных конвертов — из Сибири, Дальнего Севера, с новостроек Дальнего Востока, с Урала и Украины. И нет на советской земле уголка, где бы сердца людей остались безучастными к подвигу пятнадцати. По-разному выражают свои чувства люди. Но одно объединяет то скупые, то взволнованные строки, адресованные героям,— светлая гордость за людей, рожденных Россией, страстная вера в их большое сердце. Это не простые письма. Это вся страна сошлась на большой форум. Это незримые нити, идущие от мартенов «Запорожстали» в палатку целинника, от це ленинградских промышленных гигантов в колхозные ст ницы Кубани. Это нити, связывающие сердца. Нет ниче

крепче их, проверенных в горе и испытаниях. Имя им — единство.

Сколько бумаги извели борзописцы на Западе, рассуждая о «таинственной» и «непонятной» душе русского народа! А вот она, эта душа,— в письмах работников конструкторского бюро завода «Запорожсталь», комсомольцев Заонежского стройучастка, шахтеров Донбасса, металлургов Норильска, геологов Горношорской геологоразведочной партии. Вот она, эта душа, открытая всему прекрасному в мире, беспокойная, ищущая, большая душа героического народа.

«...Здесь на карту была поставлена жизнь не только одного человека,— пишет из Днепропетровска М. Камышная.— Но герои пошли на дело, зная, что не идти нельзя, что нельзя допустить большого человеческого горя».

Рабочие-комсомольцы фабрики «КИМ» из города Витебска читали очерк «Эхо войны» прямо в цеху. Здесь же и родились их взволнованные строки, обращенные к героям: «Мы гордимся вами и знаем, что воины нашей славной Советской Армии, воспитанные Коммунистической партией и Ленинским комсомолом, зорко и бдительно стоят на страже наших рубежей и готовы в любую минуту не пощадить своей жизни, если это понадобится. Мы своим трудом также крепим дело мира. Ваш героический подвиг поднимает нас, заставляет работать лучше». И идут десятки подписей, за каждой из которых бьется сердце хорошего человека.

А вот письмо из Барнаула от студентов педагогического института: «Никогда не будет забыт этот подвиг, совершенный под мирным безоблачным небом, на мирной советской земле, подвиг, где проявились беззаветный па-[illegible]отизм и мужество славных сынов Родины, воспитан-[illegible]ммунистической партией.

[illegible]усть содрогаются наши враги перед силою духа и [illegible]терством советских воинов. Пусть радуются наши

друзья во всем мире, глядя на вас, ибо ваши простые и мужественные лица, ваши горячие сердца и умелые руки вселяют в них веру в победу дела мира.

Приезжайте к нам на Алтай, и вы здесь будете всегда самыми желанными и дорогими гостями».

Нельзя без волнения читать письмо слесаря-инструментальщика Е. Латышева из г. Дегтярска: «Еще раз стало ясно, как много в нашей стране, в нашем социалистическом лагере людей крепких духом, с твердой волей и прозорливым умом.

А случись такое в капиталистическом мире! Может быть, и там нашлись бы смельчаки, готовые ради денег или куска хлеба идти на смертельный риск. У подвига наших воинов иная природа. У них есть самое главное человеческое богатство — величайшая любовь к Отечеству. Именно им, этим богатством, сильна и непобедима наша армия, наше великое дело».

Эта перекличка сердец, горящих светлым пламенем любви к своей земле, заставит любого задуматься о славе и силе наших людей. О славе большой и непреходящей, передаваемой, как эстафета, из поколения в поколение. О силе, которой еще никто и ничто не сумели противостоять — ни враг, ни природа, ни обстоятельства.

Каждый день приносит все новые и новые письма, на конвертах появляются почтовые штемпели все новых городов. Вот письмо из далекого Киренска. Пишет сибирячка К. Маркова: «С глубокой сердечностью, пламенной любовью приношу свою благодарность бесстрашным одиннадцати героям.

Такой подвиг могли совершить только беспредельно любящие свою Родину люди».

В разговор включается бывший фронтовик, ны... средней школы из Молдавии В. М. Чеботарь: «Я ... ший минер, служивший в мотоинженерном бата... Первого Белорусского фронта, участвовал в размин...

вании многих районов вблизи Курска. Мне особенно понятен подвиг одиннадцати. Пусть знают они, что все советские люди благодарят их за беспримерный подвиг. Сейчас я работаю учителем, стараюсь воспитывать детей в духе беспредельной любви к Родине, к Коммунистической партии. Я часто рассказываю им, как мы дрались за Сталинград и на Курской дуге. Детям всегда близка романтика подвига. И они еще раз убедились, что эта романтика — в самом воздухе нашей жизни, в буднях советской страны, в сердце каждого солдата великой армии коммунистов».

Романтика подвига особенно близка сердцам юных. Сколько горячих споров разгоралось об этом у пионерских костров, на солдатских привалах и полевых станах!

— Можно ли в мирное время совершить подвиг? — Немало жарких схваток вспыхивало, когда произносились эти слова.

— Можно! — ответили еще раз советские воины.

«Откровенно говоря, — пишут школьники станции Крынки, Витебской области, — некоторые из нас считали, что настоящие подвиги можно совершить лишь в дни войны. Но как прав был Горький, сказавший, что в жизни всегда есть место подвигам! С гордостью за наш советский народ читали мы о мужестве командиров и солдат, воспитанных партией».

Да, в жизни всегда есть место подвигам, если душа твоя молода, если в ней горит огонь любви к замечательной земле, которая зовется Россией. Она неисчерпаемо богата людьми подвига. Они везде: у мартенов Норильска, на Братской ГЭС, у домен Кузнецка, везде, где рож-
автра нашей Родины.

ришь на эти простые и милые лица, — пишет
конструктор Калужского турбинного завода
бовицкая, — и сердце переполняется гордостью

за советских людей. Да разве можно сломить наш народ! Ему не страшны никакие угрозы!..»

...Каждое утро далеко на Востоке из белесой мглы Тихого океана встает солнце. Огромный огненный шар катится над необъятной страной. В слепящих лучах его вспыхивают крыши новых цехов, серебрятся могучие клинки электростанций, стальной отсвет появляется на мачтах высоковольтных передач, искрится снег на бескрайних полях, по которым скоро пройдет лемех плуга. Все это — приметы мирного труда многомиллионного народа. И когда солнце завершает свой путь, немало новых подвигов и героических дел вписывается в книгу славы России. Да, ей не страшны ничьи угрозы! Твердой поступью, несокрушимая и гордая, идет она в свое завтра.

Содержание

Илья Михайлович Котенко
ЛЮДИ МОЕЙ ЗЕМЛИ
Аркадий Яковлевич Сахнин
ЭХО ВОЙНЫ

Редактор **В. КУКУШКИН**

Технический редактор
Л. Новикова

Б 03237. Подп. к печ. 21/II 1958 г.

Тираж 150.000 экз. Изд. № 266.

Заказ № 41. Формат бум. 84×108 1/32.

1,125 бум лист. 3,69 печ. лист.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Цена 1 руб.